БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
3360
25

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

Съ совсѣмъ особымъ чувствомъ произносимъ мы имя Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Даже тогда, когда мы затруднились бы въ точности припомнить, чѣмъ именно мы обязаны ему въ нашемъ умственномъ развитіи, на какія именно мысли еще на школьной скамьѣ навелъ насъ этотъ писатель,—мы, вспоминая о немъ, не можемъ не чувствовать духовной связи, какая существуетъ между нимъ и нами—имъ, давно уже умершимъ человѣкомъ, и нами, которыхъ жизнь, повидимому, такъ далеко отъ него умчала. На эту связь время какъ будто не наложило своей печати.

Слова Бѣлинскаго принадлежатъ исторіи; по крайней мѣрѣ, многое, что̀ ему казалось истиной, за что онъ такъ «неистово» ратовалъ, противъ чего боролся съ такой страстностью и желчностью,—теперь либо забыто, либо стало общимъ достояніемъ. Мы даже не всегда справедливы къ этимъ словамъ: мы часто готовы забыть, что именно благодаря Бѣлинскому многое, прежде спорное и недоказанное, теперь окончательно утвердилось въ нашемъ сознаніи; мы такъ спокойны въ обладаніи нѣкоторыхъ истинъ философскихъ, нравственныхъ или эстетическихъ, что не даемъ себѣ труда припомнить, сколько крови, желчи и, можетъ быть, слезъ стоили эти истины тѣмъ людямъ, которые впервые почувствовали надъ собой ихъ силу и вмѣстѣ съ тѣмъ сознали свою обязанность стать ихъ глашатаями. Бѣлинскій былъ однимъ изъ немногихъ такихъ добровольныхъ мучениковъ идеи, и цѣной его жизни куплены нами взгляды, понятія, вкусы, съ которыми мы такъ теперь освоились и сжились, что они кажутся намъ прирожденными.

Но не объ этомъ очень значительномъ умственномъ богатствѣ, которое досталось намъ по наслѣдству отъ Бѣлинскаго, думаемъ мы, когда о немъ теперь вспоминаемъ; мы сознаёмъ прежде всего, что мы этому человѣку обязаны нравственно. Когда въ юномъ возрастѣ мы впервые знакомимся съ его сочиненіями, когда обиліе мыслей, въ нихъ заключенныхъ, впервые открываетъ намъ глаза на многія стороны жизни, мимо которыхъ мы проходили равнодушно,—мы и тогда находимся не только подъ властью его мысли, но и подъ властью той нравственной силы, которая даетъ себя чувствовать въ каждой имъ написанной страницѣ. Когда затѣмъ въ зрѣлые годы мы опять перечитываемъ эти страницы, смыслъ ихъ для насъ уже не новинка, но ихъ обаяніе все-таки не исчезаетъ. Трудно опредѣлить, въ чемъ оно заключается, какъ вообще трудно передать словами впечатлѣніе, вынесенное изъ встрѣчи съ человѣкомъ, нравственное преимущество котораго мы ощущаемъ. Такой человѣкъ можетъ и не обольстить нашего ума, и не ослѣпить насъ оригинальностью своей мысли, — ему все-таки дана власть надъ нами, кроткая власть, но зато наиболѣе прочная и неотразимая. Такой властью обладали всѣ пророки; они бывали и мудрецами, но не въ одной мудрости была вся ихъ сила.

Бѣлинскій былъ изъ ихъ числа.

Если однако въ настоящее время его рѣчь трогаетъ насъ больше своей убѣжденностью и сердечностью, чѣмъ вѣчно юной новизной содержанія; если мы, произнося теперь его имя, испытываемъ скорѣе наплывъ чувствъ, чѣмъ тревогу мысли,—то надо помнить, что было время, когда рѣчь Бѣлинскаго была одновременно и откликомъ на всѣ запросы русскаго сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, которые тогда жизнь ставила русскому уму. Критика Бѣлинскаго была для своего времени цѣлой энциклопедіей знанія. Бѣлинскій былъ не только свидѣтель, но и судья цѣлаго довольно длиннаго періода въ исторіи нашего развитія; онъ прожилъ его и пережилъ, какъ никто изъ его современниковъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не обладалъ въ такой степени способностью откликаться на всѣ самые разнородные вопросы духовной и матеріальной жизни, — вопросы, которые приходилось тогда не только обсуждать, но угадывать, намѣчать и ставить.

Эпоха Бѣлинскаго нашла себѣ въ его критическихъ статьяхъ наиболѣе полное и всестороннее освѣщеніе; мы можемъ сказать это, нисколько не умаляя значенія другихъ

дѣятелей того времени и не желая сравнивать талантъ Бѣлинскаго съ ихъ талантами. Раздача аттестатовъ на различныя степени талантливости вообще дѣло очень рискованное, да и безполезное. Мы не скажемъ, что Бѣлинскій имѣлъ привилегію на исключительную вѣрность въ оцѣнкѣ всѣхъ явленій современности. Онъ могъ, какъ и всѣ, ошибаться. Но то, что̀ заставляетъ насъ поставить его во главѣ цѣлой культурной эпохи, это — разносторонность его интересовъ, умѣнье созерцать жизнь въ ея цѣломъ, способность нанизывать всѣ ея явленія на одну руководящую идею, и, главнымъ образомъ, особая чуткость, не позволявшая ему просмотрѣть ни одного сколько-нибудь важнаго и характернаго движенія чувства или мысли, которыя зарождались и пробивали себѣ дорогу въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

Эта идейность, разносторонность и полнота придаютъ критическимъ статьямъ Бѣлинскаго значеніе историческаго памятника первостепенной важности. Можно сказать даже, что, при всей ея невольной недоказанности, критика Бѣлинскаго—самый важный историческій документъ цѣлаго десятилѣтія въ исторіи нашей культуры. Онъ отражаетъ и подводитъ итогъ всему теченію нашей философской, эстетической, исторической и общественной мысли за это время; однимъ словомъ, въ немъ разсказана исторія нашего самосознанія въ одинъ изъ очень важныхъ моментовъ нашего развитія,—разсказана, быть можетъ, не всегда объективно, но зато искренно, очень полно, съ рѣдкой широтой и глубиной критическаго взгляда.

Бѣлинскаго можно, конечно, отдѣлить отъ его эпохи; его можно разсматривать, какъ совсѣмъ самостоятельную величину, какъ оригинальнаго русскаго мыслителя, критика, сатирика и стилиста; въ его статьяхъ найдется не мало матерьяла для такой характеристики. Но только взятая въ связи съ своей эпохой его личность пріобрѣтаетъ настоящую цѣнность. Когда видишь, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ для цѣлыхъ поколѣній, какъ искусно въ общемъ хорѣ лицъ, не уступавшихъ ему въ талантѣ и знаніяхъ, онъ игралъ роль дирижера, какъ онъ умѣлъ всегда выдѣлять господствующіе мотивы современной жизни,—тогда только получаешь правильное понятіе объ его силѣ и нравственной, и умственной. Сила эта была громадна; если мы ее и теперь еще чувствуемъ, то какое же впечатлѣніе она должна была производить на современниковъ!

Исторія постепеннаго роста и развитія этой силы, ея зависимость отъ окружающей культурной обстановки и, наконецъ, ея рѣшающее вліяніе на современную ей жизнь—станутъ предметомъ нашего краткаго историко-литературнаго очерка.

I. Внѣшнія условія, при которыхъ этой силѣ пришлось крѣпнуть и бороться, никакъ нельзя назвать благопріятными. Исторія жизни Бѣлинскаго—краткая печальная повѣсть о всевозможныхъ житейскихъ лишеніяхъ, страданіяхъ и невзгодахъ, начиная отъ нищенства, кончая физическимъ недугомъ. Пусть эти житейскія печали и были относительно ничтожны въ сравненіи съ печалью духа, отъ которой Бѣлинскому приходилось страдать такъ много и цѣною которой онъ покупалъ свое умственное нравственное развитіе и всѣ свои побѣды, но забывать о нихъ, объ этихъ матеріальныхъ лишеніяхъ, не слѣдуетъ: они составляютъ тотъ фонъ, который хорошо оттѣняетъ многія стороны въ характерѣ Бѣлинскаго и позволяетъ намъ лучше оцѣнить глубокую искренность многихъ его взглядовъ. Если кто имѣлъ право сказать, что жизнь имъ выстрадана, такъ это Бѣлинскій; и потому, когда онъ, глядя на жизнь съ философской точки зрѣнія, въ общемъ смотрѣлъ на нее съ такимъ довѣріемъ, съ такой надеждой, то эта оптимистическая оцѣнка жизни была вовсе не результатомъ его малаго знакомства съ ея прозаическими и мрачными сторонами, его наивности или аристократическаго отчужденія, а убѣжденіемъ человѣка, оцѣнившаго страданіе и понявшаго его нравственно воспитательное значеніе для человѣка.

Житейскія невзгоды начались для Бѣлинскаго очень рано. Его молодость не была ограждена отъ раннихъ лишеній и заботъ, какъ была защищена юность почти всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей, которые нѣсколько лѣтъ спустя вмѣстѣ съ нимъ составили знаменитую группу нашихъ идеалистовъ 30-тыхъ и 40-хъ годовъ. Семья, въ которой выросъ Бѣлинскій (онъ родился въ 1810 году), жила въ глухой провинціи, въ городѣ Чембарѣ, Пензенской губерніи. Здѣсь, въ этой семьѣ, которую можно назвать относительно интеллигентной (отецъ Бѣлинскаго былъ уѣздный врачъ), среди провинціальнаго общества, вѣроятно совсѣмъ неинтеллигентнаго, и въ училищѣ съ самой примитивной программой обученія выросталъ Бѣлинскій. Условія, какъ видимъ, были мало благопріятны для его умственнаго развитія. Быть можетъ, изъ библіотеки отца, который, кажется, любилъ литературу и самъ былъ не прочь пофилософствовать,—и, говорятъ, въ довольно свободномъ духѣ,—Бѣлинскому и перепадали кое-какія книги, которыя могли будить его пытливую мысль. Но это чтеніе было случайное. Такой же характеръ случайности носило и его обученіе въ Пензенской гимназіи, куда онъ поступилъ изъ чембарскаго уѣзднаго училища. Впрочемъ, въ Пензѣ кругъ интересовъ становился шире

Библіотека Академіи

въ нѣкоторыхъ преподавателяхъ Бѣлинскій встрѣтилъ если не руководителей, то все-таки начитанныхъ въ литературѣ людей; кромѣ того, кружокъ семинаристовъ, съ которыми онъ свелъ дружбу, направилъ его умъ на философскіе вопросы; наконецъ, и губернское общество могло обогатить запасъ его впечатлѣній. Жизнь въ Пензѣ — по отзывамъ свидѣтелей, голодная и нищенская—окупала, такимъ образомъ, для Бѣлинскаго свои неудобства тѣмъ относительнымъ расширеніемъ умственнаго кругозора, которое она ему давала. Бѣлинскій однако бѣжалъ изъ Пензы, не окончивъ гимназіи. Его влекло въ Москву; онъ торопился поступить въ университетъ; ему казалось, что онъ упуститъ время, хотя ему и шелъ всего только двадцатый годъ. Въ концѣ 1829 года Бѣлинскій былъ уже въ Москвѣ.

Изъ тѣхъ воспоминаній, которыя дошли до насъ объ юношеской жизни и гимназическихъ годахъ Бѣлинскаго, мы можемъ составить себѣ довольно опредѣленное понятіе, если не объ его міросозерцаніи, которое тогда только что формировалось, то объ его характерѣ, темпераментѣ и нѣкоторыхъ литературныхъ вкусахъ. Эти воспоминанія рисуютъ намъ Бѣлинскаго, какъ человѣка очень нервнаго, впечатлительнаго и восторженнаго.

Условія жизни поддерживали въ немъ эти врожденныя склонности. Въ семьѣ особаго ладу не было; если эта семейная жизнь и не была адомъ, то все-таки частыя столкновенія ребенка съ эксцентричнымъ, иногда порочнымъ характеромъ отца и довольно необузданнымъ нравомъ матери, не могли не усилить его впечатлительности и нервности; семья, вмѣсто того, чтобы смягчать эту нервность любовью и лаской, ее только возбуждала,—и въ годы юности, и послѣ, когда Бѣлинскій съ семьей разстался.

Пустота, невѣжество и уродство окружающей жизни, въ особенности крѣпостное право, къ которому Бѣлинскій имѣлъ много случаевъ присмотрѣться,—должны были также болѣзненно отозваться на его нравственномъ чувствѣ, которое, если вѣрить лицамъ, его близко знавшимъ, уже въ тѣ ранніе годы протестовало, и очень страстно, противъ всякаго оскорбленія и униженія человѣка. Что провинціальная жизнь давала Бѣлинскому много поводовъ къ ссорѣ съ дѣйствительностью, къ мучительному ощущенію разлада между мечтой и жизнью—это само собою ясно; понятно также, что мечта, въ молодые годы вообще столь свободная и необузданная, должна была имѣть особую власть надъ такимъ впечатлительнымъ сердцемъ. Человѣкъ, который такъ чутко относился къ жизни, какъ Бѣлинскій, долженъ былъ находить не только наслажденіе, но умиротвореніе и успокоеніе въ мечтахъ, и преимущественно, конечно, въ тѣхъ, которыя были воплощены въ художественныхъ образахъ. Дѣйствительно Бѣлинскій любилъ эти мечты съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства. Воспоминанія его современниковъ и товарищей рисуютъ намъ этого восторженнаго мальчика, какъ большого поклонника и знатока отечественной и даже иностранной литературы. Онъ всегда спѣшитъ свести разговоръ на литературу; онъ споритъ о ней, онъ со страстностью увлекается ею; онъ влюбленъ въ тотъ призрачный міръ, который мало-по-малу начинаетъ ему открываться въ созданіяхъ Гёте, Шиллера, Вальтеръ-Скотта, Байрона, Жуковскаго, Пушкина... Онъ увлеченъ и театромъ; на каникулахъ онъ самъ играетъ; въ немъ уже виденъ этотъ будущій театралъ, который способенъ не уставая десять разъ подъ рядъ восторгаться Мочаловымъ въ одной и той же роли. Но онъ не только зритель и читатель, онъ самъ творецъ, пока, конечно, очень несовершенныхъ созданій. Онъ почитаетъ себя «опаснымъ соперникомъ Жуковскаго», какъ онъ самъ признается... и ему кажется, что въ этомъ мірѣ искусства онъ призванъ быть не истолкователемъ и судьей, а свободнымъ творцомъ и художникомъ.

Онъ пока поклонникъ преимущественно страсти и сильныхъ движеній сердца. «Борисъ Годуновъ» ему не нравится; онъ, конечно, предпочитаетъ «Разбойниковъ» Шиллера, языкомъ которыхъ онъ иногда и говоритъ съ своими близкими.

Молодой энтузіастъ и эстетикъ, онъ упивается художественнымъ творчествомъ, читаетъ много и новаго, и стараго, отыскивая вездѣ пищи для своей фантазіи и для своего чуткаго сердца. Міръ искусства для него вторая жизнь, и, конечно, въ эти годы болѣе цѣнная, чѣмъ сѣрая жизнь дѣйствительности, которая его окружаетъ: эта дѣйствительность его оскорбляетъ и сердитъ, а міръ мечты даетъ ему требуемое умственное и нравственное удовлетвореніе...

Бѣлинскій торопился съ поступленіемъ въ университетъ. Разсадникъ русскаго просвѣщенія, центръ умственной и литературной жизни издалека привлекалъ его къ себѣ однимъ своимъ именемъ. Вотъ почему онъ бросилъ такъ поспѣшно гимназію и, не боясь лишеній матеріальныхъ, почти безъ копейки пошелъ на розыски новой жизни.

II. Что дала ему Москва?

Университетъ далъ мало. За исключеніемъ двухъ, трехъ профессоровъ, остальные могли ему показаться старыми знакомыми, которыхъ онъ покинулъ въ Пензѣ. Но не университетъ воспиталъ Бѣлинскаго: его талантъ окрѣпъ и созрѣлъ въ той литературной и журнальной атмосферѣ, которая теперь его

окружала, въ тѣхъ столкновеніяхъ съ людьми, стоящими во главѣ тогдашней интеллигентной жизни, наконецъ, въ общеніи съ цѣлой группой очень одаренныхъ юношей, которые вмѣстѣ съ нимъ, на поискахъ за свѣтомъ, пришли въ университетъ и, не вполнѣ удовлетворенные, основали рядомъ съ университетомъ свою академію вольныхъ философовъ, эстетиковъ и моралистовъ.

Бѣлинскій попалъ въ Москву въ очень знаменательную для русской литературы эпоху. Это были тѣ годы, когда такъ называемый «романтизмъ» одерживалъ свои послѣднія побѣды и, свершивъ въ нашей жизни свою культурную миссію, уступалъ свое мѣсто иному міросозерцанію и настроенію.

Романтизмъ! Какъ много этимъ словомъ сказано, и какъ оно неопредѣленно! Было время, когда оно не сходило съ устъ всѣхъ русскихъ литераторовъ и критиковъ, и каждый изъ нихъ понималъ его по-своему и былъ правъ въ такомъ произвольномъ толкованіи.

Дѣйствительно слово «романтизмъ» не выражало собой никакого яснаго *теченія или направленія мысли* и не заключало въ себѣ никакого *ученія;* подъ нимъ должно разумѣть извѣстное *настроеніе*, извѣстный *наплывъ чувствъ*, который охватывалъ душу человѣка.

На западѣ романтизмъ имѣлъ длинную и очень любопытную исторію; онъ былъ тѣсно связанъ со всѣмъ ходомъ исторической жизни, начиная съ конца прошлаго столѣтія; онъ былъ своеобразнымъ, очень сложнымъ настроеніемъ, вытекшимъ изъ столкновенія или примиренія религіозныхъ, философскихъ, нравственныхъ, эстетическихъ, историческихъ и чисто политическихъ мнѣній, которыя въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ нашего столѣтія пришли въ такое страшное броженіе.

У насъ въ Россіи романтизмъ имѣлъ также свои историческія причины, но онъ сталъ еще болѣе неопредѣленнымъ и неяснымъ настроеніемъ именно въ силу того, что, мы, перенимая у запада форму, философскую или литературную, въ которую романтизмъ тамъ выливался, на дѣлѣ не переживали исторически тѣхъ моментовъ развитія, которые обусловили его зарожденіе и развитіе въ Европѣ. Наше романтическое настроеніе было заимствовано. Какъ участники въ судьбахъ Европы, мы не могли не имѣть его, но какъ участники второстепенные, иногда даже просто зрители рядомъ съ нами разыгравшейся исторической драмы, мы не могли такъ глубоко прочувствовать всѣхъ тѣхъ движеній сердца, которыя на западѣ вызвали это любопытное явленіе.

Если разложить романтическое настроеніе на самые основные его элементы, то въ основѣ его окажется очень простое чувство недовольства дѣйствительностью. Въ романтической душѣ это недовольство обыкновенно не носитъ острaго характера: въ немъ мало озлобленія, ненависти, пессимизма и много грусти, печали, разочарованія. Оно заставляетъ человѣка ставить неизмѣримо выше надъ самой жизнью ея просвѣтленный идеалъ, ту дорогую мечту объ иномъ мірѣ, въ которомъ столько гармоніи, красоты, столько свѣта,—міръ, о которомъ тоскуетъ человѣкъ, нравственно неудовлетворенный. Это тяготѣніе къ идеалу, конечно, всегда неопредѣленному и туманному, неизбѣжно реагируетъ на оцѣнку той дѣйствительной жизни, которая окружаетъ человѣка. Вмѣсто того, чтобы приближать жизнь къ идеалу и, вникая въ ея мелочи, попытаться найти въ нихъ смыслъ и понять ихъ необходимое значеніе, человѣкъ готовъ принебречь ими, готовъ всецѣло замкнуться въ сферѣ своей мечты и мысли и этимъ только усилить противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью. Какъ часто дѣйствительно заблуждался романтикъ, думая, что сможетъ найти свой идеалъ готовымъ и воплощеннымъ здѣсь, на землѣ, въ данную минуту, и среди людей, которые его окружали! какъ часто такая надежда была обманута, и какъ часто въ силу этого обмана человѣкъ порывалъ свою живую связь съ жизнью! Разладъ съ дѣйствительностью нерѣдко отнималъ у него энергію и силу воли, туманилъ его трезвый умъ и, вмѣсто того, чтобы служить стимуломъ дѣятельности, былъ причиной апатіи и меланхоліи, тоски по чему-то и стремленія куда-то.

Впрочемъ романтическое настроеніе принимало далеко не всегда такую форму пассивнаго протеста; въ немъ, кромѣ меланхоліи и томленія, была своя, иногда необузданная энергія, порывъ страсти, который могъ раскалить сердце человѣка и дать его фантазіи самый смѣлый полетъ; этотъ активный, бурный элементъ романтическаго настроенія составлялъ его культурную силу и дѣлалъ его важнымъ факторомъ прогресса. Но въ обоихъ случаяхъ, когда романтикъ рвался такъ необузданно впередъ или когда онъ изнемогалъ въ томленіи, онъ витaлъ надъ жизнью:—либо опережалъ ее, либо отставалъ отъ нея; и потому бо́льшая часть его силы и энергіи терялись для этой жизни даромъ. Романтикъ не попадалъ какъ-то въ общую колею, требовалъ отъ жизни либо слишкомъ многаго, либо слишкомъ малаго.

Такое тревожное состояніе духа, не лишенное красоты и эффектности, было вызвано на западѣ, какъ мы уже сказали, всей совокупностью историческихъ условій. Съ конца прошлаго вѣка западъ переживалъ критическій моментъ ломки всѣхъ нравствен-

ныхъ, умственныхъ и общественныхъ устоевъ жизни. Брошенный въ этотъ круговоротъ спорящихъ между собой страстей, сталкивающихся противорѣчивыхъ взглядовъ, свидѣтель и участникъ ожесточенной борьбы между старымъ и новымъ порядкомъ, человѣкъ и волновался, и впадалъ въ апатію, и вѣрилъ, и разочаровывался, рвался впередъ и падалъ духомъ, упреждалъ въ мечтахъ жизнь и, наоборотъ, спасался отъ жизни въ область сновидѣній; однимъ словомъ, его нервное экзальтированное настроеніе не позволяло ему достигнуть той духовной гармоніи, той ясности взгляда на современную минуту, на ея нужды и запросы,—взгляда, который бы примирилъ его съ жизнью и смягчилъ бы то чувство неудовлетворенности, отъ котораго такъ страдало его сердце.

У насъ въ Россіи эта сердечная и умственная тревога ощущалась, конечно, слабѣе, чѣмъ на западѣ, но тѣмъ не менѣе она существовала, и молодежь, подросшая къ началу 30-хъ годовъ, одно время бредила романтизмомъ и видѣла въ немъ послѣднее слово и жизни, и искусства. У нашихъ сосѣдей романтизмъ былъ настроеніемъ общественнымъ, которое возникало на почвѣ реальныхъ фактовъ и въ свою очередь на эти факты вліяло. У насъ же романтизмъ былъ почти исключительно литературнымъ движеніемъ. Наша сознательная жизнь еще только начиналась, когда на западѣ она была въ полномъ цвѣту. Тотъ пахучій и красивый цвѣтокъ романтизма, который на западѣ распустился подъ открытымъ небомъ, у насъ былъ выведенъ въ теплицѣ. Заранѣе можно было предсказать, что его жизнь будетъ кратковременна, что у него не будетъ ни сильнаго запаха, ни яркихъ красокъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Въ русскомъ романтизмѣ были и страстные порывы, и нѣжныя движенія сердца, и стремленіе опередить жизнь, и желаніе спастись отъ нея въ область видѣній въ немъ, были и слезы меланхолической печали, и слезы досады, и прощеніе и гнѣвъ; въ немъ вообще была смѣна разнообразныхъ настроеній и чувствъ; но всѣ эти психическія движенія овладѣвали русскимъ романтикомъ не вполнѣ, какъ-то на половину; онъ не находился всецѣло въ ихъ власти, и потому онъ могъ легко и быстро пережить это романтическое настроеніе, забыть его, даже удариться въ совсѣмъ другую крайность—стать совсѣмъ спокойнымъ мыслителемъ и созерцателемъ той самой жизни, которая его сначала такъ волновала. Дѣйствительно, русскій человѣкъ отъ романтизма отдѣлался очень быстро и даже въ самый разгаръ его не утратилъ способности критически къ нему относиться.

Но то время, о которомъ мы говоримъ въ данномъ случаѣ, а именно, конецъ 20-хъ и начало 30-хъ годовъ, въ исторіи нашего романтизма — періодъ наибольшаго его процвѣтанія. Въ поэзіи самыми видными его представителями были Жуковскій и Пушкинъ.

Василій Андреевичъ все тотъ же, какимъ онъ былъ въ началѣ вѣка; онъ какъ будто не состарился, не смотря на то, что его сорокалѣтній возрастъ былъ уже совсѣмъ не романтическій. Попрежнему сентименталистъ, душа религіозная, нѣжная, онъ не тяготился жизнью дѣйствительной, но и не увлекался ею. Его мысль была въ грядущемъ и даже не въ земномъ грядущемъ, а въ небесномъ. Туда, въ эту даль, свѣтлую, хотя и туманную даль, стремилось его сердце. Фантазія не могла слѣдовать за его сердцемъ въ эту невѣдомую область; она предпочитала поэтому витать въ прошломъ, лишь бы только не касаться современнаго. Но и въ этомъ прошломъ она выбирала тѣ эпохи, въ которыя человѣкъ духомъ былъ всего ближе къ небесному; она любила таинственный сумракъ средневѣковья, эпоху монашества и рыцарства; она иногда позволяла себѣ унестись и еще дальше, въ античную древность, на которую она налагала совсѣмъ произвольно печать своего христіанскаго міросозерцанія. Была, впрочемъ, и еще область, въ которой эта фантазія чувствовала себя, какъ дома, — это сказочный міръ легенды; она любила эти призраки, любила показывать, какъ власть истиннаго Бога надъ ними торжествуетъ; она предпочитала это темное царство духовъ, лишь бы только не имѣть дѣла съ сѣрымъ царствомъ дѣйствительности. При всей своей оторванности отъ жизни эта поэзія была очень гуманна и идеалистична. Она всегда вызывала къ самымъ нѣжнымъ и возвышеннымъ чувствамъ человѣка, и потому она и имѣла такое культурное облагораживающее вліяніе на все подрастающее поколѣніе.

Поэзія Пушкина, поставленная рядомъ съ поэзіей Жуковскаго, исполняла совсѣмъ иную роль. Къ жизни дѣйствительной она стояла ближе; въ ней было тогда много рѣзкаго движенія, бурной страсти и разочарованности. Только близкіе поэту люди знали, что въ его настроеніи и міросозерцаніи происходилъ въ тѣ годы (въ началѣ тридцатыхъ) очень сильный переломъ. Для большинства публики Пушкинъ былъ или пѣвцомъ любви, веселія и наслажденія, какимъ онъ являлся въ своихъ первыхъ стихотвореніяхъ, или пѣвцомъ свободныхъ, довольно мрачныхъ страстей. Всѣ были безъ ума тогда отъ «Кавказскаго Плѣнника», «Братьевъ-Разбойниковъ», «Бахчисарайскаго Фонтана», «Цыганъ» и первыхъ пѣсенъ «Евгенія

Онѣгина». «Борисъ Годуновъ», хотя онъ и былъ давно написанъ, напечатанъ еще не былъ. О тѣхъ же художественныхъ произведеніяхъ, которыя были написаны Пушкинымъ въ 1830 году, объ этихъ величавоспокойныхъ созданіяхъ генія, общество ничего не знало, такъ какъ поэтъ хранилъ «Каменнаго Гостя», «Моцарта и Сальери», «Скупого Рыцаря» и «Русалку» въ своемъ портфелѣ и никому не показывалъ. Итакъ поэзія Пушкина нравилась преимущественно, какъ поэзія неудовлетворенной страсти, иногда разочарованной, иногда мрачной,— страсти, которую умѣлъ на западѣ такъ картинно и эффектно выразить Байронъ. Этотъ страстный мотивъ, въ которомъ съ разными оттѣнками сказывалось все то же недовольство дѣйствительностью, дополнялъ то мечтательное и пассивное романтическое настроеніе, которое такъ мелодично было выражено Жуковскимъ. Дѣйствительность являлась въ поэзіи молодого Пушкина не отраженной, а преображенной такъ же, какъ и въ поэзіи Жуковскаго; только у Жуковскаго идеалъ заслонялъ собою жизнь, а въ этой поэзіи бурныхъ стремленій былъ подчеркнутъ, главнымъ образомъ, разладъ между ними.

Молодая русская поэзія того времени, въ лицѣ Языкова, Баратынскаго, Козлова, Дельвига, Веневитинова, Шевырева, Хомякова и другихъ, слѣдовала въ своей пѣснѣ съ бо̀льшей или меньшей оригинальностью за этими двумя корифеями русскаго романтизма. Она либо въ мечтахъ опережала жизнь, либо съ ней ссорилась безъ всякой попытки къ соглашенію.

Русскій романъ въ данномъ случаѣ раздѣлялъ участь русской поэзіи. Гоголь еще не выступалъ; «Повѣстей Бѣлкина» еще не было. Русскій читатель могъ знакомиться съ своей жизнью изъ старыхъ сентиментальныхъ повѣстей Карамзина или Жуковскаго, въ которыхъ онъ находилъ все, кромѣ жизненной правды. Вкусъ къ сентиментальной идеализаціи жизни поддерживали въ немъ кромѣ того безчисленные иностранные романы конца прошлаго и начала нашего столѣтія. Даже романы Ричардсона, которымъ было тогда уже около ста лѣтъ, пользовались, кажется, большой его симпатіей. Западная сентиментальная литература вызывала естественно массу подражаній, и читатель, въ концѣ концовъ, терялъ способность отличать русскую жизнь отъ нерусской. Передъ нимъ былъ рядъ картинъ, вымышленныхъ и очень неопредѣленныхъ, къ тому же иногда безъ всякой художественной стоимости.

Читатель впрочемъ начиналъ тогда знакомиться съ романами Вальтеръ-Скотта, которые позднѣе должны были повліять такъ благотворно на его эстетическое чувство. Но, читая эти романы, онъ жилъ опять-таки въ мірѣ призраковъ, далекихъ отъ русской жизни и чуждыхъ ея интересамъ.

Иногда впрочемъ, когда ему попадали въ руки романы Нарѣжнаго, онъ могъ почувствовать себя въ родной ему сферѣ. Но, кажется, онъ не особенно интересовался этими романами; по крайней мѣрѣ въ концѣ 20-хъ годовъ въ журналистикѣ о нихъ говорилось мало, хотя, не смотря на дидактизмъ и сентиментализмъ, въ этихъ романахъ были и содержаніе, и типы, и наблюдательность, и довольно правдоподобная психологія.

Всего больше нравились тогда читателю тѣ романтическія повѣсти, въ которыхъ чувствовалось біеніе страсти, неудержимый, неясный порывъ къ чему-то и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное скептическое отрицательное отношеніе къ прозѣ дѣйствительной жизни. Вотъ почему Марлинскому удалось такъ увлечь всѣ сердца. Пусть у самого Марлинскаго эта страстность была нѣсколько напускная и подогрѣтая, но читатель этого не замѣчалъ: ему нравилось въ этихъ повѣстяхъ движеніе, необыкновенныя завязки и развязки и тотъ скрытый протестъ противъ сѣрой дѣйствительности, который чувствовался за этими эффектными и колоритными картинами. То же чувство недовольства заставило читателя встрѣтить съ такимъ интересомъ и даже восторгомъ первыя главы «Евгенія Онѣгина». Онъ былъ увлеченъ героемъ романа, этой загадочной разочарованной личностью, въ которой было такъ много «романтическаго». Если къ этимъ сентиментально-дидактическимъ и страстнымъ повѣстямъ мы добавимъ историческія повѣсти, которыя тогда начали входить въ моду и которыя опять-таки имѣли съ дѣйствительностью очень мало точекъ соприкосновенія, то мы будемъ имѣть полный перечень всѣхъ родовъ и видовъ русскаго романа, какимъ онъ былъ въ эпоху романтизма.

Вмѣстѣ съ поэзіей, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, романъ выражалъ, какъ видимъ, тѣ два основныхъ настроенія, изъ которыхъ слагался русскій «романтизмъ»: съ одной стороны, это была идеализація дѣйствительности, довольно сентиментальная и приторная, разбавленная сожалѣніемъ о прошломъ героическомъ и богатырскомъ, и съ другой—недовольство этой дѣйствительностью, презрительное и разочарованное отношеніе къ ней, стремящееся вознаградить себя необычайнымъ подъемомъ чувствъ и эффектными картинами и положеніями.

Что касается критики, то она тогда только что зарождалась. Представителями ея были тотъ же Марлинскій, князь Вяземскій и Н. А. Полевой—три самыхъ убѣжденныхъ и рев-

ностныхъ романтика. Трудно опредѣлить съ точностью, изъ какихъ положеній эта романтическая критика тогда исходила. Она гордилась своими общими возвышенными взглядами на искусство, своимъ философскимъ идейнымъ содержаніемъ, жаромъ, который она въ себѣ чувствовала; она съ презрѣніемъ говорила о критикѣ чисто стилистической, которая до нея царила; она смѣялась надъ писателями старой ложноклассической школы, упрекая ихъ въ искаженіи жизни, въ неправдоподобности и манерности чувствъ, и въ пылу битвы не замѣчала, какъ сама грѣшила противъ правды жизни. Она была отголоскомъ молодой французской критики эпохи реставраціи; у ней она заимствовала свои философскіе принципы, довольно, впрочемъ, неопредѣленные и неустойчивые, т. е. опять-таки она стремилась «насадить» въ Россіи новое искусство приблизительно такъ же, какъ ненавидимые ею ложно-классики стремились въ свое время «возрастить» свою изящную словесность на русской почвѣ. Съ русской дѣйствительностью эта романтическая критика не стояла въ тѣсной и кровной связи, хотя, конечно, она имѣла свою культурную заслугу. Она требовала для искусства и, стало быть, для жизни — новаго; она бросалась на розыски этого новаго, и старыя формы творчества, и старое содержаніе ее не неудовлетворяли; къ дѣйствительности, которая ее окружала, она относилась съ тѣмъ же страстнымъ романтическимъ чувствомъ, которое заставляло ее либо восхищаться мечтой, опередившей жизнь, либо враждовать съ этой жизнью и будить въ человѣкѣ разочарованно-гнѣвныя чувства.

Впрочемъ, расширяя умственный кругозоръ читателя, знакомя его со всѣми выдающимися литературными, философскими и историческими новинками запада, эта романтическая критика, главнымъ образомъ, въ лицѣ Полевого, оказала русскому просвѣщенію большую услугу. Дѣйствительно, если мы припомнимъ, какъ слабъ былъ притокъ западныхъ идей у насъ въ то время, то культурная роль романтизма станетъ ясна. Онъ безспорно будилъ мысль и не позволялъ дремать сердцу,—эту заслугу признали за нимъ и его враги, уже послѣ его смерти. Если онъ грѣшилъ чѣмъ, то только слишкомъ большимъ презрѣніемъ къ окружающей дѣйствительности. Онъ не сумѣлъ привить человѣку ея пониманія, а между тѣмъ русская жизнь съ ея хорошими и дурными сторонами, съ ея потребностями и запросами нуждалась въ истолкователяхъ, въ художникахъ, которые бы воплотили ея правду въ образахъ, нуждалась и въ критикахъ, которые бы истолковали и пояснили эти художественныя воплощенія.

Но люди, которые должны были стать истолкователями этой правды русской жизни въ концѣ 20-хъ годовъ, еще не выступали со своимъ словомъ. Одинъ Пушкинъ прокладывалъ имъ дорогу. Гоголь носился пока съ своимъ романтическимъ Ганцомъ Кюхельгартеномъ, Лермонтовъ пародировалъ «Кавказскаго Плѣнника», Кольцовъ только что учился грамотѣ; наконецъ, тотъ человѣкъ, который задачей всей своей жизни поставилъ выясненіе нуждъ и запросовъ родной ему жизни, пока еще не нашелъ своей настоящей дороги: Бѣлинскому суждено было долго искать ее.

III. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Бѣлинскій раздѣлялъ съ русской молодежью увлеченіе романтизмомъ. Еще въ Пензѣ онъ успѣлъ освоиться съ этимъ кругомъ идей и чувствъ, насколько они ему открылись въ произведеніяхъ Жуковскаго, Пушкина и лучшихъ изъ иностранныхъ писателей.

Въ Москвѣ интересъ къ литературѣ не только не покинулъ Бѣлинскаго, но возросъ въ немъ. Университетская наука не могла спорить съ этой врожденной склонностью. Въ товарищескомъ кружкѣ, который тогда образовался среди студентовъ, Бѣлинскій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ докладчиковъ и спорщиковъ по литературнымъ вопросамъ. Онъ попытался выступить даже, какъ самостоятельный художникъ.

Онъ написалъ трагедію. Какъ литературный памятникъ, она, конечно, имѣетъ мало значенія: она любопытна, главнымъ образомъ, какъ показатель того романтическаго настроенія, подъ властью котораго тогда находился молодой мечтатель. Насколько можно судить по дошедшимъ отрывкамъ, трагедія была полна всевозможныхъ ужасовъ и насквозь пропитана тѣмъ страстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда сентиментальнымъ настроеніемъ романтизма, которое въ юношескихъ драмахъ Шиллера нашло себѣ наиболѣе художественное выраженіе. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Шиллера, кажется, и была написана эта неистовая драма. Сюжетъ ея однако былъ взятъ изъ русской жизни и, что́ всего характернѣе—изъ жизни современной. Уже въ этомъ выборѣ сказался тотъ интересъ къ дѣйствительности, который долженъ былъ со временемъ сдѣлать Бѣлинскаго строгимъ судьей русской жизни. Однимъ изъ важныхъ вводныхъ эпизодовъ этой драмы была картина крѣпостной жизни, картина мрачная, написанная съ нескрываемой злобой. Драма была, такимъ образомъ, обвинительнымъ актомъ противъ дѣйствительности,—обличеніемъ, выраженнымъ въ неистово-романтической формѣ. Со стороны Бѣлинскаго это была довольно смѣлая выходка, и авторъ имѣлъ еще наивность думать, что цензура одобритъ драму для представленія. Цензурный комитетъ состоялъ

тогда изъ профессоровъ; имъ пришлось произносить свой судъ надъ этой студенческой работой. Отношенія Бѣлинскаго и университетскаго начальства были, кажется, всегда очень натянутыя, и эта драма во всякомъ случаѣ не могла ихъ поправить. Нельзя утверждать положительно, что именно она была причиной его увольненія изъ университета, но что она обострила отношеніе профессоровъ къ Бѣлинскому, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Начальство придралось къ первому удобному случаю, чтобы отдѣлаться отъ безпокойнаго человѣка, который, живя въ университетскомъ интернатѣ (гдѣ Бѣлинскому по бѣдности пришлось поселиться), не всегда ладилъ съ дисциплиной, лекціями пренебрегалъ и къ тому же обнаружилъ довольно вредное направленіе мыслей.

Какъ бы то ни было, но начальство, обойдясь съ Бѣлинскимъ очень грубо, исключило его въ 1832 году изъ университета, мотивировавъ это исключеніе его малыми успѣхами въ наукахъ. Это былъ большой ударъ для самолюбія Бѣлинскаго. Но на его умственномъ развитіи эта непріятность едва ли отозвалась вредно. Прощаясь съ университетомъ, Бѣлинскій не терялъ ничего кромѣ диплома. Зато въ матерьяльномъ смыслѣ его положеніе стало теперь самое критическое. Разсчитывать на поддержку семьи онъ не могъ, такъ какъ она сама очень нуждалась; пріискать постоянную работу было очень трудно—Бѣлинскому приходилось иногда въ полномъ смыслѣ слова нищенствовать и голодать. Вотъ въ эти-то трудные годы началъ Бѣлинскій свою литературную дѣятельность, сначала какъ скромный переводчикъ французскихъ романовъ и статей, а затѣмъ уже какъ самостоятельный критикъ.

Мы подошли къ одному изъ самыхъ любопытныхъ моментовъ въ исторіи его духовнаго развитія, къ тѣмъ годамъ его жизни, когда онъ въ кружкѣ близкихъ товарищей сталъ вырабатывать своеобразное философское міросозерцаніе, имѣвшее, повидимому, такъ мало общаго съ русской жизнью и тѣмъ не менѣе оказавшее на эту жизнь большое вліяніе. Въ эти годы его неопредѣленное романтическое настроеніе и его разладъ съ дѣйствительностью стали мало-по-малу уступать свое мѣсто болѣе ровному и спокойному отношенію къ вопросамъ жизни. Изъ романтика, томящагося по идеалу или озлобленнаго на окружающую жизнь, нашъ писатель превращался въ мыслителя: онъ стремился выработать изъ себя типъ уравновѣшеннаго философа, хладнокровнаго истолкователя и судьи современной минуты. Если мы вспомнимъ, какъ молодъ былъ еще Бѣлинскій, какъ онъ былъ горячъ и впечатлителенъ, какъ болѣзненно на немъ отзывались тѣ стороны жизни, съ которыми не мирилось его нравственное чувство, наконецъ, если мы припомнимъ, какъ тяжелы были лично для Бѣлинскаго его столкновенія съ этой дѣйствительностью и на родинѣ, и здѣсь въ Москвѣ,—то перерожденіе нашего романтика въ спокойнаго философа можетъ на первый взглядъ показаться совсѣмъ необычнымъ явленіемъ. Мы скорѣе ожидали бы встрѣтить въ этомъ человѣкѣ повышеніе гнѣвнаго и раздраженнаго чувства, а никакъ не увлеченіе спокойной мыслью. Мы увидимъ впослѣдствіи, что это философское отношеніе къ жизни было, дѣйствительно, лишь временной переходной ступенью въ развитіи идей Бѣлинскаго, что оно не было окончательнымъ итогомъ его теоретическихъ и практическихъ взглядовъ на жизнь. Но, даже какъ переходный моментъ, это увлеченіе чистой теоріей среди цѣлаго кружка молодыхъ людей — явленіе въ высшей степени характерное. Оно, конечно, не простая случайность.

IV. Временное торжество нѣмецкаго философскаго идеализма у насъ въ Россіи было, съ нашей стороны, такимъ же откликомъ на запросы общеевропейской культурной жизни, какимъ былъ и нашъ романтизмъ. Какъ въ немъ, такъ и въ этомъ философскомъ движеніи было много заимствованнаго, взятаго взаймы у нашихъ сосѣдей и худо ли, хорошо ли пригнаннаго къ потребностямъ нашей жизни. Для этой жизни, которая, какъ мы знаемъ, съ жизнью общеевропейской была связана далеко не тѣсными узами, плоды философскаго мышленія были, конечно, большой роскошью. Не мудрено, что вкусить отъ нихъ удалось только немногимъ людямъ, тѣмъ, которые значительно возвышались надъ общимъ уровнемъ. Но и эти люди, которыхъ можно пересчитать всѣхъ до одного, оригинальной философской мысли не проявили: они были только ревностными учениками запада, проводниками чужихъ взглядовъ, хотя въ этомъ чужомъ и было многое, что говорило ихъ уму и, больше, чѣмъ уму—ихъ сердцу.

Необычайно быстрый и пышный расцвѣтъ философскихъ системъ на западѣ былъ вызванъ назрѣвшими духовными потребностями всего тогдашняго поколѣнія. Человѣкъ, испытавъ столько тревогъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка, переживъ столько разочарованій, усталый, искалъ для своего ума и сердца тихой и спокойной пристани. Философія въ данномъ случаѣ помогла ему умиротворить тревогу его духа, смягчивъ то чувство недовольства минутой, которое было въ немъ такъ сильно. Дѣйствительно, эти философскія системы,—въ особенности такія стройныя, законченныя и цѣльныя, какъ, напримѣръ, системы Шеллинга, Фихте и Гегеля,—открывали человѣку не только

широкій умственный горизонтъ, но дѣйствовали успокоительно и на его душу. Освѣщая всю человѣческую жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ, предугадывая путь, по которому она пойдетъ въ будущемъ, приводя эту человѣческую жизнь въ связь со всей міровой жизнью, объясняя каждое ея явленіе, доказывая необходимость его и цѣлесообразность,—эти системы ослѣпляли человѣка своей грандіозностью и смѣлостью. всецѣло порабощали его и рѣшали на его глазахъ ту страшную загадку жизни, которая его такъ измучила. Человѣкъ получалъ связное готовое міросозерцаніе, которое давало отвѣты на всѣ вопросы жизни и духа. Это міровоззрѣніе не только теоретически объясняло жизнь, но указывало и практическую программу поведенія; оно объединяло одной идеей религію, нравственность, эстетику, право, политику, и вдобавокъ, въ конечныхъ своихъ взглядахъ на судьбу человѣчества, оно было оптимистично. Стройность его говорила какъ будто за его незыблемую истинность; человѣкъ вѣрилъ ему и вѣрилъ тѣмъ охотнѣе, что ощущалъ необходимость именно такого стройнаго и всеобъемлющаго міросозерцанія. Послѣ блестящей философіи XVIII вѣка, которая такъ произвольно скользила по всѣмъ самымъ труднымъ вопросамъ; послѣ скептицизма, весьма спасительнаго, какъ временная стадія развитія, но на долгій срокъ очень тягостнаго; послѣ унынія и разочарованія во всѣхъ идеалахъ, которые въ концѣ вѣка потерпѣли такое крушеніе; наконецъ, послѣ томительнаго разлада съ дѣйствительностью и романтической неудовлетворенной мечтательности,—человѣкъ могъ найти счастье въ сферѣ чистой мысли, которая все объясняла и надъ всѣмъ возвышалась въ своемъ торжествующемъ покоѣ. Быть можетъ, именно потребностью такого душевнаго покоя объясняется та довѣрчивость, съ какой люди тогда усвоивали эти системы, вѣрили въ ихъ непреложную истинность и думали видѣть въ нихъ иногда послѣднее возможное слово мудрости.

V. Къ намъ въ Россію эта нѣмецкая философская мысль стала проникать въ 20-хъ годахъ, тогда, когда на своей родинѣ она свершила уже полный кругъ своего развитія. Ея появленіе въ Россіи носило сначала характеръ чисто случайный, и только въ 30-тыхъ годахъ она пріобрѣла себѣ довольно широкій кругъ адептовъ, широкій, конечно, относительно, если принять во вниманіе ту массу интеллигентныхъ людей, которая осталась совсѣмъ чуждой этой философской мысли и не хотѣла признать за ней никакого значенія. Эта философія появилась сначала въ Петербургѣ, затѣмъ въ Москвѣ. и проводниками ея были петербургскій профессоръ Велланскій и московскіе профессора Павловъ и Надеждинъ. Современники разсказываютъ, что въ московскомъ университетѣ философія встрѣтила особенно восторженный пріемъ среди молодежи: по крайней мѣрѣ лекціи, на которыхъ профессора излагали ея начала, бывали всегда биткомъ набиты слушателями. По этому факту нельзя, конечно, судить о степени воспріимчивости молодежи къ новымъ ученіямъ; дѣйствительно, не смотря на такой внѣшній успѣхъ, который имѣла философія, она принесла свой плодъ только въ умѣ очень немногихъ—именно въ томъ замкнутомъ кружкѣ студентовъ, который съ тридцатыхъ годахъ группировался около Станкевича, и въ которомъ Бѣлинскій былъ однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и горячихъ спорщиковъ. Но если число лицъ, ставшихъ въ Россіи проповѣдниками этого философскаго идеализма, и было очень ничтожно, то характеренъ все-таки тотъ фактъ, что именно самые чуткіе и самые развитые люди оказались проводниками этой новой мысли.

Наибольшее вліяніе на этихъ молодыхъ людей оказалъ Надеждинъ. Человѣкъ съ громадной эрудиціей и очень краснорѣчивый, онъ пользовался большой популярностью. Популяренъ былъ и предметъ, который онъ преподавалъ: это была теорія словесности и эстетика, построенная имъ на новыхъ философскихъ началахъ, взятыхъ у нѣмцевъ. Предметъ былъ живой и, въ изложеніи Надеждина, тѣснѣе связанный съ жизнью, чѣмъ прежняя до него преподававшаяся эстетика. Надеждинъ, кромѣ того, былъ журналистъ, сотрудникъ «Вѣстника Европы».

Ядовитый и остроумный критикъ, онъ въ тѣ годы занималъ очень опредѣленное положеніе среди литературныхъ партій. Онъ былъ открытый и рѣшительный противникъ «романтизма» и именно того бурнаго и страстнаго романтическаго настроенія, которое, ссорясь съ дѣйствительностью, заставило человѣка становиться въ такую вызывающую позу, заставило перенапрягать свои чувства и страсти, выставлять на показъ свою разочарованность и свое полупрезрительное и полуиндифферентное отношеніе къ современности. Въ своихъ критическихъ статьяхъ, равно какъ и въ своей ученой диссертаціи «О романтической поэзіи» Надеждинъ нападалъ на эту современную романтическую моду въ литературѣ, осуждая ее преимущественно съ эстетической стороны, а иногда и съ нравственной. Такимъ образомъ Надеждинъ былъ первымъ изъ русскихъ литераторовъ, который почувствовалъ себя неудовлетореннымъ въ кругѣ романтическихъ чувствъ и мыслей и сталъ искать выхода изъ этого круга. Нѣмецкій

идеализмъ философскій, а также и поэтическій, какъ онъ былъ высказанъ въ поэзіи Гёте и Шиллера, пришелъ ему въ данномъ случаѣ на помощь. Слегка пантеистическій покой этого идеализма и конечный оптимистическій выводъ, къ которому онъ приводилъ, могли смирить романтическую тревогу ума и сердца. Такъ какъ этотъ романтизмъ на русской почвѣ пустилъ далеко не глубокіе корни, былъ явленіемъ скорѣе привитымъ, чѣмъ изъ самой жизни вытекавшимъ, то нападки на него въ эпоху его наибольшаго процвѣтанія и успѣхъ этихъ нападокъ среди передовой молодежи того времени не должны удивлять насъ. Не успѣлъ этотъ романтизмъ найти въ критикѣ «Телеграфа» свое теоретическое оправданіе (1825—1830), какъ уже въ «Вѣстникѣ Европы» (1827—1830) и, главнымъ образомъ, въ «Телескопѣ» (1830—1836) критика Надеждина начала доказывать его философскую и эстетическую несостоятельность. Бѣлинскій и его друзья, которые, помимо университета, имѣли возможность познакомиться съ нимъ ближе, когда онъ сталъ редакторомъ «Телескопа» (1830),—сначала такіе же романтики, какъ и большинство молодыхъ людей того времени,—отнеслись съ большимъ довѣріемъ къ новому философскому ученію. Надеждинъ далъ толчокъ ихъ мысли, и затѣмъ уже они пошли самостоятельно въ томъ направленіи, которое имъ было указано. Они-то и образовали ту маленькую группу людей, для которыхъ, на первыхъ порахъ, усвоеніе, уясненіе и распространеніе нѣмецкаго идеализма въ русскомъ обществѣ стало дѣломъ жизни. Бѣлинскій къ Надеждину стоялъ всего ближе, такъ какъ, послѣ исключенія изъ университета, работалъ въ его редакціи. Со времени этого знакомства съ Надеждинымъ, а также со времени болѣе тѣсной жизни въ кружкѣ товарищей, начался въ исторіи развитія идей Бѣлинскаго новый періодъ: это былъ періодъ увлеченія философіей нѣмецкаго идеализма и преимущественно эстетикой, періодъ теоретической постановки вопросовъ жизни и духа. Онъ длился довольно долго, почти восемь лѣтъ (1832—1840).

VI. Эти восемь лѣтъ, проведенные Бѣлинскимъ въ Москвѣ, были для него самымъ счастливымъ временемъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ труднымъ,—счастливымъ въ томъ смыслѣ, что разладъ между мечтой и дѣйствительностью, между идеаломъ, къ которому тяготѣло его сердце, и тѣмъ, что онъ вокругъ себя видѣлъ, въ эти годы былъ смягченъ его философской мыслью; труднымъ въ томъ смыслѣ, что это примиреніе идеала съ жизнью стоило ему большого умственнаго труда и большой нравственной ломки. Философія безспорно оказала свое умиротворяющее дѣйствіе на его романтическую душу—она возстановила его духовное равновѣсіе, придавала жизни смыслъ, и именно той жизни, которая во всякомъ случаѣ могла только сердить его своимъ несовершенствомъ. Пусть это увлеченіе теоріей было такимъ же самообманомъ, какимъ было и романтическое томленіе и жизнь въ мечтахъ, но въ данномъ случаѣ важенъ былъ тотъ спокойный самоувѣренный взглядъ на жизнь и человѣка, который получался, какъ результатъ этихъ теоретическихъ построеній. Мечтатель долженъ былъ пережить это увлеченіе теоріей, чтобы затѣмъ попытаться согласовать ее съ жизнью, отбросить все произвольное въ ней и сохранить то, что оправдывалось самими фактами. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ войти въ окружающую жизнь съ полнымъ сознаніемъ той роли, какую въ ней должно исполнить, нужно было отказаться отъ того разочарованно-враждебнаго отношенія къ ней, въ какомъ стоялъ мечтатель и идеалистъ, то опережавшій жизнь въ мечтѣ, то враждовавшій съ ней безъ попытокъ къ соглашенію. Отъ этого настроенія Бѣлинскаго избавила философія, и понятно почему онъ, къ философскому мышленію столь мало пріученный, вдругъ съ такимъ жаромъ набросился на философію и не испугался ея глубины: не только его умъ жаждалъ удовлетворить свою любознательность, но прежде всего его сердце искало покоя.

Эти годы трудной умственной работы, которая, кромѣ того, усложнялась чисто матерьяльной борьбой за существованіе, были прожиты Бѣлинскимъ, какъ мы уже замѣтили, въ кружкѣ близкихъ товарищей.

Кружокъ представлялъ изъ себя довольно тѣсное философское братство, вольное общество молодыхъ людей, связанныхъ одними стремленіями, одной духовной жизнью, хотя людей очень различныхъ по темпераменту. Въ составъ его входили: Станкевичъ, Боткинъ, Кетчеръ, Клюшниковъ, Красовъ, Бѣлинскій и К. Аксаковъ; позднѣе къ нему примкнули Бакунинъ и Катковъ. Тотъ, кто знакомъ съ дальнѣйшей судьбою этихъ лицъ, не всѣхъ одинаково знаменитыхъ, знаетъ какъ разнились между собой ихъ окончательные взгляды на всѣ существенные вопросы жизни. Но въ молодости, когда они сходились въ университетѣ или на своихъ студенческихъ квартирахъ, этихъ противорѣчій между ними не было: всѣ они только что вступали въ жизнь, которая для всѣхъ была еще загадкой; всѣ стремились уразумѣть ея тайный смыслъ, обобщить всѣ ея явленія, понять основную идею, которая должна въ этихъ явленіяхъ воплощаться; всѣ искали покоя мысли и связанной съ нимъ гармоніи духа; всѣ были теоретики, съ жизнью мало знакомые, но стремящіеся найти для нея самую

всеобъемлющую формулу, и потому, конечно, миръ и согласіе могли существовать между ними, и никто изъ нихъ не догадывался, какими врагами они станутъ впослѣдствіи. Пока всѣ они были заняты исключительно теоретической постановкой самыхъ общихъ философскихъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ они рѣзко отличались отъ членовъ другого кружка, во главѣ котораго стояли Герценъ и Огаревъ—въ тѣ годы также еще совсѣмъ молодые студенты, но уже съ яснымъ интересомъ къ чисто соціальнымъ и политическимъ вопросамъ.

Въ томъ кружкѣ, въ которомъ вращался Бѣлинскій, руководящая роль принадлежала Станкевичу до его отъѣзда въ 1837 г. за границу. Эта роль перешла, кажется, затѣмъ къ Бакунину, который примкнулъ къ кружку въ 1835 г. Дѣйствительно, изъ числа всѣхъ этихъ молодыхъ людей Станкевичъ и Бакунинъ были, въ философскомъ смыслѣ, людьми наиболѣе образованными и обладали безспорно очень выдающимися способностями къ отвлеченному мышленію. Слабѣе другихъ былъ вооруженъ Бѣлинскій, образованіе котораго въ тѣ годы носило, какъ мы знаемъ, характеръ очень случайный; Бѣлинскій кромѣ того плохо владѣлъ тогда языками. Но эти недочеты уравновѣшивались необычайной легкостью, съ какой онъ схватывалъ и самостоятельно развивалъ самыя трудныя и отвлеченныя положенія.

Свое міросозерцаніе этотъ студенческій кружокъ вырабатывалъ сообща, и нѣтъ рѣшительно никакой возможности опредѣлить, кому изъ его членовъ какое участіе въ этой работѣ принадлежало. Ихъ взгляды получались, какъ результатъ частныхъ споровъ или общей бесѣды, и такъ какъ въ работѣ участвовали всѣ, то и добытое міровоззрѣніе также становилось общимъ достояніемъ.

Всѣ члены кружка признавали однако Станкевича главнымъ руководителемъ и иниціаторомъ. Въ ихъ средѣ былъ настоящій культъ этого замѣчательнаго человѣка, столь нравственно чистаго и столь преданнаго высшимъ интересамъ духа. Но все значеніе его роли было ясно и понятно только лицамъ близко его знавшимъ.

Роль Бѣлинскаго была болѣе опредѣленна. Онъ былъ проводникомъ мнѣній этого кружка въ обществѣ и защитникомъ его взглядовъ въ печати. Такимъ образомъ въ смыслѣ общественномъ эта роль была самой главной. Безъ Бѣлинскаго, безъ его таланта излагателя и популяризатора, тихая и неслышная умственная работа кружка не имѣла бы того широкаго культурнаго значенія, какое теперь за ней осталось. Поэтому, если мы и должны признать, что взгляды, которые Бѣлинскій проводилъ въ своихъ статьяхъ за этотъ періодъ его жизни, были взглядами не лично ему принадлежащими, а итогомъ коллективной работы многихъ, то это обстоятельство нисколько не умаляетъ его личной заслуги. Если бы онъ былъ выразителемъ только чужихъ мнѣній, то и тогда его значеніе, какъ талантливаго проводника и защитника ихъ передъ обществомъ, было бы велико; но развѣ мы знаемъ, сколько оригинальнаго, ему одному принадлежащаго вносилъ онъ въ общую работу?

VII. Основной вопросъ жизни, который такъ тревожилъ Бѣлинскаго въ эти годы, былъ все тотъ же вѣчный вопросъ объ идеалѣ и дѣйствительности и о трагической необходимости примирить то, что человѣкъ считаетъ добромъ, истиной и красотой, съ явленіями внѣшней окружающей его жизни, въ которыхъ эти высшія идеи должны воплощаться. Романтическое сердце Бѣлинскаго было необычайно требовательно и въ силу молодости и житейской неопытности не хотѣло идти на уступки; съ своей стороны, русская жизнь, по мѣрѣ его болѣе близкаго ознакомленія съ различными ея сторонами, увеличивала въ его глазахъ ту пропасть, которая лежала между желаемымъ и даннымъ, долженствующимъ быть и настоящимъ.

Борьба съ дѣйствительностью, открытая методичная, убѣжденная борьба, знающая, на что нападать и какъ нападать, стала впослѣдствіи дѣломъ всей краткой вполнѣ зрѣлой жизни Бѣлинскаго. Въ молодости онъ смотрѣлъ однако на эту дѣйствительность нѣсколько иными глазами. Понявъ безплодность романтическаго томленія и распаденія съ жизнью, онъ сталъ стремиться къ тому, чтобы побороть такую тревогу неудовлетвореннаго сердца; и онъ думалъ, что человѣкъ можетъ достигнуть плодотворнаго спокойствія духа, если на явленія жизни взглянетъ, какъ философъ и эстетикъ. Надъ установленіемъ такихъ философскихъ точекъ зрѣнія Бѣлинскій и работалъ всю свою молодость: его умъ, характеръ и воля выиграли много отъ этой отвлеченной работы, и дѣйствительно бывали минуты, когда ему казалось, что желанный покой духа имъ достигнутъ. Для него наступали мгновенія сердечнаго затишья, но только мгновенія, такъ какъ нравственная точка зрѣнія на міръ, отъ которой въ сущности онъ никогда не отрекался, продолжала нарушать эту гармонію духа, и вихрь сомнѣнія и недовольства вновь врывался въ это съ виду столь спокойное царство философскихъ отвлеченій и поэтическихъ образовъ. Сколько душевныхъ мученій испыталъ Бѣлинскій, стоя на рубежѣ между мечтой и дѣйствительностью и стремясь согласовать ихъ,—объ этомъ краснорѣчиво говорятъ намъ его интимныя письма. По нимъ можно въ деталяхъ возстановить исторію умственнаго развитія этого убѣж-

денная искателя правды, которому пришлось теперь прокладывать себѣ дорогу своими силами сквозь дебри самыхъ запутанныхъ философскихъ системъ. Эти письма могутъ также наглядно показать намъ, на почвѣ какой сердечной тревоги вырастало это увлеченіе Бѣлинскаго философіей.

Философское міросозерцаніе Бѣлинскаго сложилось, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ трехъ знаменитыхъ тогда системъ — Шеллинга, Фихте и Гегеля.

Что система Шеллинга была первой, которая заставила университетскую молодежь увлечься философіей, это объясняется прежде всего поэтическими красотами этой системы. Она была одновременно и созданіемъ философствующаго ума, и плодомъ очень богатой фантазіи. Шеллингъ былъ на половину поэтъ и, можетъ быть, больше поэтъ, чѣмъ философъ. Для романтика такая система представляла много приманокъ.

Въ ней искусству отводилось первенствующее мѣсто. Чтобы какъ-нибудь примирить противорѣчіе идеальнаго и реальнаго въ мірѣ, эта «система трансцендентальнаго идеализма» стремилась понять міръ, главнымъ образомъ, на основаніи живого чувства и созерцанія. То наслажденіе, которое доставляетъ художественное произведеніе, было возведено во всеобщій законъ, и геніальный художникъ былъ признанъ единственнымъ истиннымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ слить въ своей душѣ субъективное съ объективнымъ, соединить все то, что въ природѣ находится во враждѣ и въ разъединеніи. Искусство поглощало въ себѣ всѣ отрасли знанія, и эстетическое воззрѣніе на міръ было признано единственно полнымъ и всеобъемлющимъ. Вдохновеніе художника было понимаемо, какъ особый небесный даръ, который открываетъ человѣку глаза на всѣ тайны міра. Человѣкъ, одаренный такимъ «интеллектуальнымъ воззрѣніемъ», былъ властелинъ вселенной: онъ видѣлъ и осязалъ ея гармонію...

Туманная, но очень поэтичная философія Шеллинга была едва ли усвоена нашими идеалистами во всей ея полнотѣ и деталяхъ; но ея взгляды на искусство пришлись этимъ восторженнымъ молодымъ людямъ очень по сердцу. Всѣ они, и главнымъ образомъ Бѣлинскій, были тогда ревностными поклонниками нѣмецкой поэзіи, преимущественно Гёте и Шиллера. Эта поэзія, конечно, могла только укрѣпить ихъ симпатіи къ Шеллингу, такъ какъ все, чему они поклонялись въ мірѣ,—и философская истина, которую они искали, и красота, которой бредили, и добро, котораго жаждали,—все было дано въ творчествѣ этихъ великихъ художниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ философія Шеллинга имъ объяснила, чѣмъ былъ художникъ въ мірѣ, сердце ихъ было успокоено. Оно могло не относиться такъ болѣзненно къ разладу, который существовалъ между мечтой и жизнью, съ тѣхъ поръ, какъ просвѣтленная въ искусствѣ мечта была признана наивысшимъ проявленіемъ этой жизни. Мечтатели, они могли теперь жить въ этомъ мірѣ поэзіи, отъ дѣйствительной жизни столь далекой, не дѣлая себѣ никакихъ нравственныхъ упрековъ, такъ какъ все то, чему они въ искусствѣ поклонялись, было такъ возвышенно-гуманно, полно любви и благородства, кромѣ того, что оно было и глубокомысленно, и красиво.

Итакъ, подъ вліяніемъ идей Шеллинга, Бѣлинскій и его друзья смотрѣли на вселенную и на окружающую ихъ дѣйствительность преимущественно съ эстетической точки зрѣнія. Душевный разладъ, который неизбѣжно долженъ былъ возникать при мысли о противорѣчіи ихъ идеала съ жизнью, умиротворялся, на первыхъ порахъ, тѣмъ восторгомъ, въ какой ихъ повергало всякое истинно-художественное произведеніе, въ которомъ они видѣли настоящее откровеніе жизни.

Въ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, въ которыхъ онъ почти исключительно говорилъ объ искусствѣ и о тайнѣ творчества, очень много указаній на такое эстетическое примиреніе съ жизнью. Критика пока интересуетъ не столько сама жизнь, сколько ея отраженіе въ творчествѣ—въ душѣ того генія, для котораго нѣтъ противорѣчій въ жизни, который силою интеллектуальнаго воззрѣнія открываетъ намъ дѣйствительный истинный міръ; этотъ міръ относится къ нашей жизни приблизительно такъ, какъ міръ идей Платона—къ міру земныхъ призраковъ. Онъ не есть пустая мечта, онъ имѣетъ свое реальное бытіе, и блаженъ тотъ, кто можетъ жить въ немъ своимъ умомъ и сердцемъ! Художникъ живетъ въ немъ; живетъ въ немъ также и тотъ, кто способенъ понять художника, раздѣлить съ нимъ его восторгъ. Вотъ почему важно эстетическое воспитаніе для человѣка, вотъ почему нужна эстетическая критика, и почему поэтъ есть пророкъ и руководитель. Конечно, человѣку не дано жить въ этомъ идеальномъ мірѣ такъ, какъ онъ живетъ въ мірѣ дѣйствительномъ, и томленіе по этому идеальному міру—неизбѣжное печальное условіе нашего бытія. Но это уже не то «романтическое» томленіе, которое оставляетъ человѣка всегда неудовлетвореннымъ и заставляетъ его становиться въ непримиримое противорѣчіе съ жизнью; это иное неизбѣжное томленіе есть только краткій переходный моментъ къ высшему блаженству—къ созерцанію всей жизни въ искусствѣ, къ поэтическому экстазу, когда человѣкъ уже не въ ссорѣ съ жизнью, а примиренъ съ нею.

Вопросъ объ этическомъ значеніи худо-

жественнаго произведенія рѣшался въ это время Бѣлинскимъ очень просто: все художественное, какъ таковое, было признано безотносительно нравственнымъ. «Нравственность въ сочиненіи должна состоять,—писалъ критикъ,—въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ, вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него... Однако такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ». «Прійдетъ же, наконецъ, время,—восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій,—когда люди убѣдятся, что наука и искусство есть также служеніе верховному добру, которое вмѣстѣ есть верховная истина и красота». Такое эстетическое міросозерцаніе, въ которомъ этика была слита, или, вѣрнѣе, поглощена эстетикой, настраивало душу Бѣлинскаго очень миролюбиво; но оно не долго сохраняло надъ ней свою власть.

Къ серединѣ 30-хъ годовъ (приблизительно около 1836 г.) Бѣлинскій, подъ руководствомъ Бакунина, сталъ знакомиться съ системою Фихте. Она была менѣе поэтична, чѣмъ система Шеллинга; въ ней не было такой стройности и цѣлости, но зато нравственная сторона нашей жизни была въ ней оттѣнена сильнѣе, и Бѣлинскій, который преимущественно былъ моралистомъ и который въ философіи всегда искалъ, главнымъ образомъ, отвѣта на нравственные вопросы, не могъ пройти мимо этой философіи, и на два года сталъ ея послѣдователемъ.

Судя по письмамъ Бѣлинскаго, ознакомленіе съ этой системой давалось ему очень трудно, и онъ тяготился тѣмъ міромъ отвлеченностей, въ которомъ замкнулась теперь его жизнь. Но онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ глубокую тайну этой идеалистической системы, и онъ вынесъ изъ этой работы новый своеобразный взглядъ на вселенную и, главнымъ образомъ, на то отношеніе, въ какомъ разумный человѣкъ долженъ стоять къ дѣйствительности.

Стремясь разрѣшить противорѣчіе, которое существуетъ въ мірѣ между объективнымъ и субъективнымъ Фихте призналъ всѣ внѣшнія явленія, созданіемъ человѣческаго духа. Система превращала весь внѣшній міръ въ пустой призракъ, заставляя его быть не чѣмъ инымъ, какъ объективаціей всесильнаго «я», въ которомъ слитъ субъектъ съ объектомъ и которое и есть въ сущности весь міръ, пока только въ несовершенной своей формѣ; въ безконечности времени это законодательное «я» должно будетъ воплотиться въ самой полной чистой формѣ, и міръ чувственный будетъ тогда превращенъ въ міръ нравственный. Такъ должно быть, такъ какъ таково неизмѣнное нравственное требованіе нашего «я», которому все внѣ насъ обязано своимъ существованіемъ и порядкомъ. При такомъ взглядѣ на вселенную все вниманіе истиннаго мудреца должно быть устремлено на это самое чистое «я»—и цѣнность внѣшняго міра явленій, конечно, должна быть очень понижена. Такое обезцѣненіе дѣйствительности и произошло во взглядахъ Бѣлинскаго. Идея Фихте, какъ онъ самъ говорилъ, низвела въ его глазахъ реальную окружавшую его жизнь на степень «призрака, ничтожества и пустоты». Вся задача жизни для нравственнаго и мыслящаго человѣка должна быть сосредоточена, какъ онъ теперь думалъ, на «высшей жизни духа», на познаніи своего чистаго «я», на высвобожденіи этого «я» изъ-подъ власти всего случайнаго и преходящаго, которое дано въ объективномъ мірѣ,—въ мірѣ, отъ котораго человѣкъ не долженъ зависѣть, если онъ хочетъ быть свободнымъ и самостоятельнымъ.

Всѣ эти философскія тонкости требовали большого напряженія ума, и кромѣ того не всегда было возможно человѣку, не одаренному геніемъ самого Фихте, найти каждой своей мысли, каждому своему чувству, каждому поступку оправданіе передъ трибуналомъ этой очень хитро сплетенной системы. Наши идеалисты, и Бѣлинскій болѣе чѣмъ кто-либо изъ нихъ, гонялись однако за такимъ оправданіемъ. Сознанная необходимость этого оправданія, этого согласованія каждаго поступка и чувства съ системой часто портила ихъ жизнь и уменьшала и безъ того ничтожное наслажденіе, какое они изъ этой жизни извлекали.

Бѣлинскій скоро почувствовалъ себя неловко въ этомъ мірѣ отвлеченностей. «Для меня,—говорилъ онъ,—истина существуетъ, какъ созерцаніе въ минуту вдохновенія (онъ очевидно не могъ забыть своего Шеллинга) или совсѣмъ не существуетъ». «Я ненавижу мысль,—писалъ онъ,—ненавижу, какъ отвлеченіе: моя природа враждебна мышленію», т. е., конечно, чистому мышленію, не соприкасающемуся близко съ самой жизнью. Бѣлинскій силился однако смотрѣть на жизнь именно съ этой чисто отвлеченной точки зрѣнія, но душевный и умственный покой ему не давался, и онъ уставалъ въ этой борьбѣ съ философскими формулами. «Моя сила, мощь,—говорилъ онъ,—въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому никогда не откажусь я отъ него, потому что не имѣю охоты отказываться отъ самого себя».

Легко было предвидѣть, что и этотъ фазисъ

его духовнаго развитія долженъ былъ скоро кончиться. Какъ прежде его не удовлетворило чисто эстетическое міросозерцаніе, такъ и теперь это презрѣніе къ дѣйствительности, это игнорированіе всѣхъ ея сторонъ, кромѣ самыхъ высшихъ, не могло на долго его успокоить. Противъ такого отношенія къ дѣйствительности ежеминутно возмущалось его живое чувство, и дѣйствительно Бѣлинскій въ своей оцѣнкѣ реальной жизни скоро сталъ на діаметрально противоположную точку зрѣнія, чѣмъ та, которая была ему навязана философіей Фихте.

Отъ невниманія и гордаго презрѣнія къ дѣйствительности, которая была такъ ничтожна въ сравненіи съ «высшей жизнью духа», Бѣлинскій перешелъ сразу къ полному ея оправданію, къ признанію ее вполнѣ разумной и законной во всѣхъ ея проявленіяхъ. Философія Гегеля утвердила его въ этихъ взглядахъ.

Итакъ, сначала, какъ ученикъ Шеллинга, онъ прикрылъ всю непривлекательную наготу дѣйствительной жизни поэтическимъ покровомъ мечты и вмѣсто суда надъ реальной жизнью былъ занятъ оцѣнкой ея отраженія въ художественныхъ образахъ. Какъ ученикъ Фихте, онъ низвелъ цѣнность этой дѣйствительности до minimum'а, презиралъ ее, какъ мимолетный призракъ, какъ ничтожное неполное воплощеніе той высшей жизни духа, которая одна имѣетъ цѣну въ глазахъ истинно-разумнаго и нравственнаго человѣка. Холодная отвлеченность этой высшей жизни была ему тягостна, и вотъ, чтобы сойти съ этихъ отвлеченныхъ высотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить покой ума и сердца, ему оставалось только одно средство—оправдать эту дѣйствительность, взять ее таковой, какова она есть, перестать украшать ее или презирать, а просто признать ее, какъ нѣчто неизбѣжное и потому «разумное», какъ бываетъ разумно все, что имѣетъ свою причину. За этотъ въ сущности очень индифферентный взглядъ на явленія жизни Бѣлинскій и ухватился, какъ за послѣдній якорь спасенія, который могъ удержать его среди житейскаго волненія: и онъ удержалъ его, но, какъ увидимъ, опять не на долго.

Насколько подробно и систематично Бѣлинскій знакомился съ философіей Гегеля—сказать трудно. Принимая однако въ соображеніе малое знакомство Бѣлинскаго съ нѣмецкимъ языкомъ и отсутствіе настоящаго опытнаго учителя, можно предположить, что Бѣлинскій не столько изучалъ Гегеля, сколько знакомился съ конечными выводами, общими положеніями его философіи, которые потомъ самостоятельно примѣнялъ къ вопросамъ политики, нравственности и искусства. Изъ этихъ общихъ положеній одна историко-философская формула въ особенности привлекла его вниманіе и ему полюбилась. Она обѣщала подтвердить доводами разума то, что у Бѣлинскаго давно уже лежало на сердцѣ. Эта историко-философская формула, которая гласила, что все, что дѣйствительно — разумно, въ сущности говорила очень мало. Надобно было быть такъ измученнымъ нравственно и такимъ усталымъ душевно, какъ былъ измученъ и утомленъ Бѣлинскій за это время, чтобы въ этой простой формулѣ увидать разгадку всѣхъ тревожившихъ его тайнъ. Бѣлинскій могъ на время за нее ухватиться, но онъ долженъ былъ ее покинуть, такъ какъ, въ концѣ концовъ, она менѣе, чѣмъ какая-либо другая формула, могла удовлетворить тому чувству, которое было виновникомъ всѣхъ сердечныхъ тревогъ нашего критика, а именно—чувству нравственному. Формула утверждала, что то, что есть—есть, но она нисколько не упраздняла вопроса о томъ, желательно ли, чтобы то, что есть, было именно такимъ, какимъ оно существуетъ; пропасть, лежащая между идеаломъ и дѣйствительностью, этой формулой и заполнялась. Формула была пантеистическая; она ставила вопросъ на почву, лежащую внѣ всякой этики, и—Бѣлинскій, котораго именно этическія требованія заставили влюбиться въ эту сухую формулу, не замѣтилъ въ моментъ своего увлеченія ея неспособности дать ему то, въ чемъ онъ всего больше нуждался.

Но почти цѣлыхъ три года (1837—1840) держался Бѣлинскій цѣпко за это новое убѣжденіе и былъ послѣдователенъ во всѣхъ даже крайнихъ выводахъ, которые онъ изъ него дѣлалъ.

«Теперь,—писалъ онъ,—когда я нахожусь въ созерцаніи безконечнаго, теперь я глубоко понимаю, что всякій правъ, и никто не виноватъ, что нѣтъ ложныхъ ошибочныхъ мнѣній, а есть моменты духа. Кто развивается, тотъ интересенъ каждую минуту, даже во всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ истины». Для Бѣлинскаго не существуетъ теперь больше пошлости въ окружающемъ его мірѣ, такъ какъ если есть люди, которымъ не дано жить въ духѣ, то ихъ не должно ни ненавидѣть, ни презирать: «Когда въ душѣ любовь,—говорилъ онъ,—то и этихъ людей любишь объективно, какъ необходимыя явленія жизни». Трудно было идти дальше въ миролюбивомъ и примиренномъ настроеніи... «Я гляжу на дѣйствительность,—писалъ теперь нашъ философъ,—столь презираемую мной прежде, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть. Всѣ самыя проти-

воположныя понятія получили для меня какой-то цѣлостный смыслъ и уже не дерутся между собой, но образуютъ цѣлое зданіе со многими сторонами, одну общую картину изъ разныхъ красокъ, жизнь изъ безконечно разнообразныхъ элементовъ... Дикость моей натуры со дня на день исчезаетъ: грусть смягчила и просвѣтила ее. Я конь рьяный, горячій, но выѣзженный».

«Дѣйствительность есть чудовище,—продолжалъ Бѣлинскій, — вооруженное желѣзными когтями и огромною пастью съ желѣзными челюстями. Рано или поздно, но пожретъ она всякаго, кто живетъ съ ней въ разладѣ и идетъ ей наперекоръ. Чтобы освободиться отъ нея и вмѣсто ужаснаго чудовища увидѣть въ ней источникъ блаженства, для этого одно средство—*сознать* ее».

Въ этомъ неудержимомъ стремленіи стать какъ можно ближе къ дѣйствительности, отъ которой онъ прежде враждебно сторонился, въ этомъ стремленіи подавить всякую жалобу на нее, всякій протестъ, всякое недовольство, Бѣлинскій зашелъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ такъ далеко, что готовъ былъ принизить ту самую *отвлеченную* мысль, которую такъ недавно цѣнилъ выше всего въ жизни. «Я уважаю мысль,—писалъ онъ въ это время,—и знаю ей цѣну, но только отвлеченная мысль въ моихъ глазахъ ниже, безполезнѣе, дряннѣе эмпирическаго опыта, а недопеченный философъ хуже добраго малаго». Куда дѣлся его пламенный философскій идеализмъ, который объявлялъ такую безпощадную войну всѣмъ добрымъ малымъ именно за ихъ презрѣніе къ отвлеченной мысли? Такъ недавно центръ тяжести всей міровой жизни лежалъ для него за предѣлами объективнаго міра, теперь онъ перемѣстился и оказался среди этой дѣйствительности. Дѣйствительность, дѣятельность и дѣятель—вотъ слова, которыя теперь не сходятъ съ устъ Бѣлинскаго. Все вниманіе его сосредоточено на признаніи данной минуты. «У меня нѣтъ охоты смотрѣть на будущее,—писалъ онъ въ это время,—вся забота—что-нибудь дѣлать, быть полезнымъ членомъ общества. А я дѣлаю, что могу. Я уже не кандидатъ въ члены общества, а членъ его, чувствую себя въ немъ и его въ себѣ, приросъ къ его интересамъ, впился въ его жизнь, слилъ съ нею мою жизнь и принесъ ей въ даръ всего самого себя».

Изъ этихъ словъ видно, что это философское примиреніе съ дѣйствительностью не совпадало у Бѣлинскаго съ понятіемъ о созерцательномъ квіэтизмѣ или индифферентизмѣ.

Это желаніе быть полезнымъ членомъ общества, слить свою жизнь съ жизнью общества,—желаніе, никогда не умиравшее въ сердцѣ Бѣлинскаго,—должно было незамѣтно для него самого расшатать тѣ устои, на которыхъ покоилось его признаніе и оправданіе дѣйствительности. Философскій миражъ долженъ былъ скоро разсѣяться. Если онъ продолжался относительно такъ долго, то потому, что Бѣлинскій, усталый отъ постоянной тревоги мысли, боялся всякаго пересмотра такъ удачно, повидимому, рѣшенныхъ вопросовъ, а также и потому, что въ то время, когда онъ увлекался этимъ миражемъ, около него не было человѣка, который бы могъ отрезвить его. Станкевичъ былъ за границей. Грановскій еще не пріѣзжалъ въ Москву, Герценъ пока былъ въ ссылкѣ, Боткинъ сопротивленія оказать не могъ, такъ какъ въ этой области былъ слабѣе Бѣлинскаго; одинъ Бакунинъ, который представлялъ изъ себя безспорную философскую силу, воевалъ противъ «измѣны» прежней «высшей жизни духа», но отношенія его къ Бѣлинскому были тогда далеко не прежнія. Друзья начинали уже ссориться, чтобы скоро совсѣмъ разойтись, и Бакунинъ утратилъ въ глазахъ Бѣлинскаго свой ореолъ нравственной силы, а вмѣстѣ съ этимъ ослабѣло въ Бѣлинскомъ и довѣріе къ его философской непогрѣшимости.

Бѣлинскій былъ предоставленъ самому себѣ и, какъ страстная натура, шелъ въ данномъ случаѣ напроломъ, безъ оглядки. Заранѣе можно было предсказать, что этотъ взглядъ на дѣйствительность не сможетъ долго удержать Бѣлинскаго въ своей власти. Бѣлинскій былъ слишкомъ страстной натурой, чтобы когда-нибудь достигнуть того покоя мудреца, который казался ему въ теоріи столь желаннымъ. Онъ кипѣлъ и горѣлъ даже въ тѣ минуты, когда самъ увѣрялъ себя, что онъ философски спокоенъ; къ міру, его окружающему, онъ стоялъ всегда въ прямомъ сердечномъ отношеніи и ни въ какое иное стать не могъ. Нравственный идеалъ, которымъ онъ измѣрялъ всѣ явленія и внутренней, и внѣшней жизни, и своей и другихъ, не позволялъ его мысли застаиваться. Бѣлинскій попытался удовлетворить этимъ нравственнымъ требованіямъ, опираясь поперемѣнно на разныя философскія системы, и не найдя въ нихъ удовлетворенія, кончилъ тѣмъ, чѣмъ только и могъ кончить человѣкъ съ его складомъ ума и его темпераментомъ, а именно—онъ пересталъ изыскивать способы *примиренія* съ тѣмъ, противъ чего спорилъ, и, оправдавъ свой собственный споръ и свою вражду, какъ нѣчто разумное, — отдался имъ съ обычной ему страстностью и обратилъ свое вниманіе не столько на общія идеи, сколько на оцѣнку фактовъ, въ которыхъ эти идеи либо осуществлялись, либо отрицались.

Къ такому окончательному рѣшенію вопроса о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи

къ окружавшей его дѣйствительности Бѣлинскій пришелъ въ началѣ 40-хъ годовъ, когда покинулъ Москву и сталъ постояннымъ жителемъ Петербурга.

Друзья Бѣлинскаго были очень озабочены тѣмъ направленіемъ, какое принимало міросозерцаніе ихъ товарища подъ конецъ его московской жизни. Станкевичъ не одобрялъ этого примиренія; Бакунинъ сердился на Бѣлинскаго за его измѣну «идеальности» въ пользу дѣйствительности. Наконецъ, кажется, въ 1839 г., произошла встрѣча Бѣлинскаго съ возвратившимся изъ ссылки Герценомъ. Это былъ важный моментъ въ жизни нашего критика.

Герценъ и его друзья болѣли въ сущности тѣми же вопросами, что и Бѣлинскій. Они были также пока теоретики, но только сфера ихъ интересовъ была уже и потому болѣе опредѣленна, чѣмъ безбрежное море философскихъ отвлеченій и общихъ началъ жизни, надъ познаніемъ и усвоеніемъ которыхъ работалъ Бѣлинскій. Герценъ и его друзья были соціологи, и ученіе объ обществѣ, законы его развитія, анализъ его современнаго состоянія и размышленія о вѣроятномъ его будущемъ—вотъ на чемъ было сосредоточено ихъ вниманіе. Для нихъ примиреніе съ дѣйствительностью и признаніе ея разумной было равносильно упраздненію всѣхъ вопросовъ и всѣхъ интересовъ, которыми жили ихъ разумъ и сердце. Чисто отвлеченная формула не могла подкупить ихъ—слишкомъ много живого политическаго элемента было во всѣхъ ихъ понятіяхъ и тенденціяхъ.

Бѣлинскій и Герценъ не могли встрѣтиться дружелюбно, и первый разговоръ ихъ былъ очень бурный. Онъ касался, конечно, основного для обоихъ вопроса объ ихъ отношеніи къ дѣйствительности и преимущественно къ русской дѣйствительности. Отношеніе къ ней Герцена было самое отрицательное; Бѣлинскій же долженъ былъ ее оправдать, если хотѣлъ быть послѣдователенъ. Бѣлинскій такъ и сдѣлалъ. Но тѣмъ не менѣе эта встрѣча произвела на него глубокое впечатлѣніе. Въ Герценѣ онъ нашелъ противника себѣ равнаго по силамъ, и этотъ противникъ сбилъ его съ философской позиціи.

Наконецъ и сама русская литература начинала опровергать теоретическія выкладки нашего критика. Стихотворенія и проза Лермонтова, пѣсни Кольцова и поэма Гоголя «Мертвыя Души» освѣтили совсѣмъ новымъ свѣтомъ русскую дѣйствительность. Геній художника изображалъ и оцѣнивалъ въ этихъ произведеніяхъ русскую жизнь и шире, и вѣрнѣе, чѣмъ философскій умъ критика,—и критикъ сдался на эти доводы.

Все это вмѣстѣ взятое—и переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ, и столкновеніе его съ Герценомъ, и наконецъ его работа надъ оцѣнкой новыхъ памятниковъ русской литературы,—должно было рѣшительно повліять на его общіе взгляды. Еще до переѣзда въ Петербургъ Бѣлинскій мало-по-малу терялъ вѣру въ эту мирную философію, хотя и дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы остаться ей вѣрнымъ. Онъ довезъ ее до Петербурга, гдѣ она ему окончательно и навсегда измѣнила.

Московскій періодъ въ жизни Бѣлинскаго окончился. Теоретическая школа была пройдена. Въ Петербургѣ Бѣлинскаго ожидала уже иная роль. Не о философскихъ и отвлеченныхъ вопросахъ долженъ былъ онъ въ Петербургѣ бесѣдовать съ обществомъ,—онъ долженъ былъ разъяснить ему его ближайшія житейскія нужды. Чтобы выполнить эту роль такъ, какъ ее выполнялъ Бѣлинскій въ 40-хъ годахъ, для этого нужно было стать ближе къ этой жизни, одинаково отказаться и отъ полнаго отрицанія ея, и отъ полнаго оправданія. Годы романтическаго «прекраснодушія» отошли для Бѣлинскаго давно въ прошлое; теперь онъ отступалъ и отъ своихъ слишкомъ общихъ философскихъ взглядовъ. Они свое дѣло сдѣлали. Они пріучили его искать смысла въ жизни, они указали ему на идейную связь, какая существуетъ между отдѣльными ея явленіями, наконецъ они избавили его отъ *безплоднаго* разлада съ дѣйствительностью. Если они пытались на время превратить этого страстнаго человѣка въ безстрастнаго мыслителя, то въ итогѣ отъ столкновенія его пылкаго сердца съ холодной философской мудростью получилось очень гармоническое сочетаніе глубокой мысли, трезваго взгляда и чуткой воспріимчивости ко всѣмъ явленіямъ жизни,—качества, которыми такъ отличалась критика Бѣлинскаго послѣднихъ годовъ.

Мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ, а пока мы должны отмѣтить главнѣйшіе вопросы, которые затронулъ Бѣлинскій въ своихъ критическихъ статьяхъ, писанныхъ имъ въ Москвѣ отъ 1834 по 1839 гг.

VIII. Дѣятельность Бѣлинскаго, какъ мы уже замѣтили, началась съ переводныхъ трудовъ, которые онъ помѣщалъ въ «Телескопѣ» Надеждина. Одно время, правда, лишь на очень короткій срокъ, Бѣлинскій былъ редакторомъ этого журнала. Въ 1836 году журналъ былъ пріостановленъ правительственнымъ распоряженіемъ, и Бѣлинскій очутился безъ заработка. Для него началось опять необычайно трудное время, и всѣ его попытки какъ-нибудь выбиться изъ этого затруднительнаго положенія ни къ чему не приводили. Онъ сдѣлалъ тогда попытку оживить одинъ изъ умиравшихъ журналовъ «Московскій Наблюдатель», но эта попытка не удалась: журналъ умеръ отъ недостатка интереса къ нему въ читающей публикѣ, хотя Бѣлинскій и его

друзья напрягали всѣ силы, чтобы поддержать его. Въ концѣ 30-тыхъ годовъ Бѣлинскій убѣдился, что въ Москвѣ для него нѣтъ журнальной работы, и онъ принялъ приглашеніе переѣхать въ Петербургъ и за опредѣленное жалованье стать постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ».

IX. Въ первыхъ своихъ статьяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, Бѣлинскій былъ преимущественно занятъ установленіемъ философскихъ точекъ зрѣнія на міръ и человѣка: не было ни одного явленія исторической жизни народовъ, ни одной литературной новинки, вообще ни одного житейскаго факта, который бы въ глазахъ критика не обратился бы въ символъ, въ воплощеніе какой-нибудь отвлеченной идеи. Такая отвлеченность, иногда очень хитрая и тонкая, затрудняла, конечно, читателю того времени пониманіе статей Бѣлинскаго. Для русскаго читателя эти философскія разсужденія были большой роскошью; можно сказать даже съ увѣренностью, что большинству смыслъ ихъ былъ мало доступенъ. Даже многимъ руководителямъ общественнаго мнѣнія — редакторамъ журналовъ—эта философія казалась праздной болтовней, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была необходимой попыткой одухотворить одной общей идеей всѣ разрозненныя явленія жизни, найти въ нихъ вѣчный смыслъ и поставить человѣка въ разумное къ нимъ отношеніе. Но если эти отвлеченныя разсужденія Бѣлинскаго и не расшевелили мысли читателя въ той степени, въ какой это казалось желаннымъ самому Бѣлинскому, то все-таки его критика была громадной культурной силой даже и въ этотъ первый періодъ своего развитія, когда она касалась больше общихъ вопросовъ, чѣмъ частныхъ явленій. Оставаясь философскимъ трактатомъ, она была цѣлой историко-литературной энциклопедіей.

О самой философіи Бѣлинскому приходилось говорить очень часто. Онъ либо при случаѣ излагалъ въ популярной формѣ догму тѣхъ системъ, которыми увлекался, либо выступалъ защитникомъ философіи вообще, какъ науки. Всѣ его симпатіи были, конечно, на сторонѣ Германіи, которой онъ приписывалъ честь «открытія» философіи и истинной науки объ искусствѣ. Древо познанія, какъ онъ говорилъ, растетъ въ Германіи, и наша обязанность—пересадить его на нашу русскую почву. Это тѣмъ легче сдѣлать, что въ «субстанціи духа у насъ много общаго съ нѣмцами»; мы только не должны увлекаться французскимъ верхоглядствомъ, которое насъ плѣняло еще въ прошломъ вѣкѣ и теперь еще имѣетъ многихъ послѣдователей, хотя бы, напр., Полевого и критиковъ «Телеграфа» Бѣлинскій стремился привить русскому обществу вкусъ къ этому нѣмецкому мышленію, вставляя въ свои статьи иногда цѣлые популярные очерки ходячихъ философскихъ системъ. Такъ пропагандировалъ онъ сначала философію Шеллинга, а съ 39-го года рѣшилъ Шеллинга «сдать въ архивъ» и принялся излагать Гегеля. Конечно, эти изложенія не были систематичны, а всегда вставлены при случаѣ; кромѣ того, въ нихъ очень неравномѣрно освѣщались философскіе вопросы. Бѣлинскій преимущественно останавливался на эстетикѣ и на этикѣ, которая въ его представленіи была тогда тѣснѣйшимъ образомъ связана съ ученіемъ о прекрасномъ. По поводу этого прекраснаго, какъ оно отражалось положительно или отрицательно въ памятникахъ словесности, пускался онъ въ размышленія о духѣ, о природѣ, о связи человѣка съ нею, объ его призваніи, о сверхчувственномъ мірѣ, объ абсолютѣ, о чувствѣ безконечнаго, — однимъ словомъ, обо всемъ томъ, что́ собственно къ дѣлу прямо не относилось. А между тѣмъ выясненіе именно этихъ вопросовъ казалось тогда Бѣлинскому настоящимъ дѣломъ... Вотъ почему онъ, на первыхъ порахъ, и жертвовалъ критикой исторической и почти не касался вопроса объ общественномъ значеніи разбираемаго произведенія. Это значеніе, какъ онъ тогда думалъ, вполнѣ опредѣлялось его эстетической стоимостью.

Замѣтимъ однако, что философское мышленіе никогда не было для Бѣлинскаго областью, въ которую онъ спасался отъ вопросовъ дня: оно было лишь средствомъ, которое должно было ему помочь въ трудныхъ расчетахъ съ этими вопросами. Поэтому его отвлеченная мысль, какъ бы она ни была съ виду далека отъ дѣйствительности, связи съ ней не порывала. Говорилъ ли Бѣлинскій о философіи и искусствѣ вообще, или о Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гёте, Пушкинѣ, Гоголѣ, даже о какомъ-нибудь неизвѣстномъ авторѣ, всегда, незамѣтно для него самого, эти разсужденія сводились къ вопросу — въ какомъ же отношеніи стоитъ дѣйствительность къ идеалу? и какъ долженъ человѣкъ смотрѣть на эту дѣйствительность, чтобы, ссорясь съ нею изъ-за идеала, не утратить живой связи съ нею? «Между идеаломъ и дѣйствительностью,—писалъ Бѣлинскій въ 1835 г.,—совсѣмъ нѣтъ такого неизмѣримаго пространства, какое обыкновенно предполагаютъ, ибо что такое вся вселенная, какъ не воплощенный идеалъ, созданный Всемогущимъ Художникомъ?» Задача человѣка—уразумѣть тайный помыселъ этого Художника, не роптать на Него, а помочь Ему своей разумной покорностью и сознательнымъ нравственнымъ отношеніемъ къ тому міру, среди котораго этотъ Художникъ человѣка поставилъ.

Бѣлинскій вѣрилъ въ прогрессъ и былъ въ душѣ оптимистомъ; и онъ хотѣлъ привить

этотъ оптимизмъ и другимъ, въ которыхъ предполагалъ душевный разладъ и тревогу. Выясняя читателю психическія движенія такихъ больныхъ душъ, какъ, напр., Гамлета, Фауста, нѣкоторыхъ героевъ Шиллера, Чацкаго или Печорина, онъ стремился доказать, что все несчастіе ихъ проистекало отъ того разлада съ жизнью, который они никакъ не могли подавить въ своемъ сердцѣ. Съ другой стороны, толкуя Шекспира, Гёте и Пушкина, онъ кончалъ опять тѣмъ же вопросомъ о душевной гармоніи, объ истинно-нравственномъ отношеніи къ жизни, которыя достигаются лишь при извѣстной высотѣ философскаго или эстетическаго образованія. Не отвлечь отъ житейскихъ вопросовъ хотѣлъ онъ русское мыслящее общество, а, наоборотъ, приблизить къ нимъ, и для этого избралъ, на первый разъ, путь довольно длинный, но который ему казался однако единственно надежнымъ. Принято утверждать, что въ Москвѣ Бѣлинскій былъ ярымъ поклонникомъ «чистаго искусства» и вообще не признавалъ въ искусствѣ никакой непосредственной цѣли, кромѣ чисто художественной. Но въ сущности далеко не одну эстетику имѣлъ онъ въ виду, когда такъ отстаивалъ ея исключительное право на вниманіе общества. Онъ потому такъ кипятился и горячился въ своихъ спорахъ о законахъ художественнаго творчества, онъ потому такъ ненавидѣлъ нѣкоторыхъ поэтовъ и молился на другихъ, что вопросъ объ искусствѣ былъ для него лишь частью одного общаго широкаго вопроса о культурномъ прогрессѣ человѣчества вообще. Хоть онъ и утверждалъ, что искусство само себѣ цѣль, что тотъ унижаетъ его, кто говоритъ о какой-нибудь его служебной роли, но онъ самъ не замѣчалъ, что въ его толкованіи это искусство становилось также однимъ изъ средствъ и способовъ для нравственнаго воспитанія человѣчества. Бѣлинскій былъ отчаянный врагъ тенденціи въ искусствѣ: онъ готовъ былъ отречься отъ столь имъ любимаго въ молодости Шиллера за то, что заподозрилъ его въ тенденціозности; онъ поэту запрещалъ быть страстнымъ, лишалъ его права выбирать темы, онъ требовалъ отъ него одного только экстаза, почти безсознательнаго вдохновенія; а между тѣмъ онъ самъ былъ во всѣхъ этихъ требованіяхъ крайне тенденціозенъ, что́ онъ и созналъ очень скоро.

Тенденціозность Бѣлинскаго заключалась въ данномъ случаѣ въ томъ, что онъ искусству довѣрялъ очень опредѣленную роль воспитателя. Этотъ воспитатель долженъ былъ отнюдь не *сердить* тѣхъ людей, которые обратились къ нему за разъясненіемъ смысла жизни. Въ жизни и такъ много сторонъ, которыя могутъ озлобить человѣка и настолько опечалить, что онъ отъ нея отвернется и, замкнувшись въ самомъ себѣ, перестанетъ относиться къ ней съ той живой симпатіей, безъ которой нѣтъ съ ней нравственной связи.

Такъ вѣдь нѣкогда поступалъ романтикъ, и потому Бѣлинскій смотритъ теперь на него весьма недружелюбно. Онъ считаетъ его давно умершимъ и радуется его смерти; онъ ставитъ ему въ вину, что онъ украшалъ жизнь вмѣсто того, чтобы воспроизводить ее, что онъ въ силу этого пріучалъ людей къ невѣрному взгляду на дѣйствительность, что онъ слишкомъ любилъ фантастическое т.-е. пустой призракъ и самообманъ, что онъ, «растрепанный молодой человѣкъ», былъ близоруко-прекраснодушенъ и потому смѣшонъ. Но, странно, Бѣлинскій и не переставалъ любить въ этомъ романтикѣ его нѣжную меланхолическую мечтательность, такъ, напр., онъ съ большой симпатіей говорилъ всегда о Жуковскомъ, хотя и не находилъ у него «міровыхъ идей». Эта непослѣдовательность объясняется, конечно, тѣмъ, что Бѣлинскій въ нѣжномъ романтизмѣ видѣлъ все-таки извѣстную узду для страстей человѣка и цѣнилъ въ немъ то умиротворяющее вліяніе, какое онъ оказывалъ на страстную или разочарованную душу. Но зато критикъ нетерпимо относился къ мрачному и разочарованному элементу въ романтической поэзіи. Онъ видѣлъ въ немъ проявленіе неестественныхъ психическихъ движеній, которыя поэтому почти никогда не находятъ себѣ истинно-художественнаго выраженія. Растрепанность чувствъ, бурная безпредметная страсть, печать таинственныхъ страданій на челѣ—вызывали въ Бѣлинскомъ теперь очень ядовитую насмѣшку. Онъ видѣлъ во всемъ этомъ смѣшное проявленіе совершенно безплоднаго разлада съ жизнью, плодъ мало сознательнаго отношенія къ ея явленіямъ. Онъ считалъ такой романтизмъ, въ нравственномъ и общественномъ смыслѣ, вреднымъ, такъ какъ не видѣлъ въ немъ ни глубины мысли, ни глубины чувства, а одно лишь кипѣніе страсти, которое отдаляло человѣка отъ жизни и отъ людей безъ всякой пользы для личности и для общества. Съ тѣхъ поръ, какъ для Бѣлинскаго стала ясна великая роль спокойной философской мысли, которая выясняла человѣку смыслъ его жизни, обуздывала его слишкомъ большія требованія и гасила въ его душѣ мрачный огонь безпредметныхъ страстей, — онъ былъ суровъ и безпощаденъ къ воинственному романтизму, Насколько онъ признавалъ въ немъ его нѣжныя чувства, настолько не любилъ эту разочарованную страстность. Въ пылу вражды къ ней онъ не всегда различалъ враговъ отъ союзниковъ. Того самаго Шиллера, котораго онъ такъ любилъ въ ранніе годы своей молодости, онъ теперь на время почти что

возненавидѣлъ. Онъ называлъ его полупоэтомъ, полуфилософомъ, не признавалъ въ немъ настоящей геніальности потому лишь, что въ его поэзіи находилъ слишкомъ много страсти, слишкомъ много разлада съ жизнью, неумѣніе охватить и понять эту жизнь въ ея цѣломъ и отсутствіе способности отличать въ ней временное отъ вѣчнаго. О Байронѣ, которымъ тогда всѣ такъ бредили, который кружилъ голову всѣмъ русскимъ романтикамъ, Бѣлинскій говорилъ очень рѣдко и, относительно, очень сдержанно: въ его рѣчахъ объ этомъ поэтѣ чувствовалось, что Байронъ не былъ героемъ его романа. За французскимъ романтизмомъ нашъ критикъ не хотѣлъ признать никакого ни эстетическаго, ни идейнаго значенія. Къ поэзіи молодой Германіи онъ также относился отрицательно. Однимъ словомъ, гдѣ только онъ ни замѣчалъ перевѣса страсти надъ спокойнымъ философскимъ созерцаніемъ, онъ сердился. Онъ думалъ, что такая страстность только увеличиваетъ пропасть, лежащую между идеаломъ и дѣйствительностью и мѣшаетъ человѣку какъ-нибудь согласить свое желаніе съ тѣмъ, что онъ вокругъ себя видитъ.

Конечно, такой взглядъ, огульно осуждавшій всякую страстность, былъ ложенъ, и Бѣлинскій скоро увидалъ, какъ онъ ошибся и какъ онъ самъ былъ тенденціозенъ, когда отрицалъ у человѣка право на вполнѣ законныя чувства страстной ненависти и гнѣвной вражды къ отдѣльнымъ частнымъ явленіямъ жизни. Но въ періодъ увлеченія философіей, когда онъ у Шеллинга, Фихте и Гегеля лѣчился отъ романтической растерянности, онъ самъ, какъ страстный человѣкъ, не могъ разсуждать иначе. Отъ одной крайности онъ переходилъ къ другой, пока не сталъ посединѣ. Тогда онъ призналъ и Шиллера, и Байрона, и Жоржъ Зандъ, и многихъ другихъ апостоловъ страсти, значеніе которыхъ было для него затемнено его крайнимъ увлеченіемъ извѣстной доктриной.

Дѣйствительно, тогдашніе взгляды Бѣлинскаго на истиннаго поэта и на роль искусства въ жизни не могутъ не поразить насъ своей оригинальной крайностью. Бѣлинскій выразилъ ихъ съ свойственной ему ясностью и откровенностью. «Моральная точка зрѣнія на міръ,—писалъ Бѣлинскій,— и поэтическій взглядъ на нее — это вода и огонь, взаимно себя уничтожающіе». Субъективность—смерть поэзіи, и ея произведенія — поэтическій пустоцвѣтъ, который тѣшитъ взоръ минутнымъ блескомъ и запахомъ, а плода не приноситъ». «Поэтъ можетъ изображать и страсть, потому что она есть явленіе дѣйствительности, но, изображая страсть, поэтъ не долженъ быть въ страсти: страсть должна быть предметомъ его поэтическаго созерцанія въ минуту творчества, но не имъ самимъ. Истинное вдохновеніе всегда спокойно, созерцательно; оно вполнѣ обладаетъ своимъ предметомъ, но не даетъ ему овладѣть собою, хотя и видитъ и чувствуетъ его... Чѣмъ живѣе и ближе къ натурѣ изображеніе страсти, тѣмъ больше возбуждаетъ оно отвращеніе, вмѣсто того, чтобы восхищать и трогать; и не чисты, грѣшны его впечатлѣнія на душу читателя». Въ этомъ требованіи объективнаго безпристрастнаго спокойствія Бѣлинскій заходитъ такъ далеко, что отрицаетъ даже у художника право изображать именно эту дѣйствительность, которая его окружаетъ: «Поэтъ,— говоритъ онъ,—менѣе всего способенъ отзываться на современность, которая для него есть начало безъ середины и конца, явленіе безъ полноты и цѣлости, закрытое туманомъ страстей, предубѣжденій и пристрастія партій, и потому его вдохновеніе больше любитъ жить въ вѣкахъ минувшихъ и пробуждать исполинскія тѣни Ахилловъ и Гекторовъ, Ричардовъ и Генриховъ или изъ нѣдръ собственнаго духа воспроизводить гигантскіе образы, каковы: Гамлетъ, Макбетъ, Отелло». Но тотъ, кто въ этомъ безстрастномъ спокойствіи художника увидалъ бы недостатокъ нравственныхъ побужденій, впалъ бы въ ошибку, такъ какъ, что̀ «художественно, то уже и нравственно, что̀ не художественно, то можетъ быть не безнравственно, но не можетъ быть нравственно».

При такомъ произвольномъ и тенденціозномъ взглядѣ на искусство Бѣлинскій долженъ былъ быть очень разборчивымъ въ своихъ симпатіяхъ къ писателямъ. И дѣйствительно, за этотъ періодъ его критической дѣятельности, у него было очень немного кумировъ, которымъ онъ поклонялся безъ оговорокъ. Гомеръ, Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ, отчасти Гоголь—вотъ единственные поэты, въ творчествѣ которыхъ онъ видитъ воплощеніе своего идеала. Рядомъ съ этими именами иногда упоминаются Вальтеръ-Скоттъ и Гофманъ. Такой чести удостоены— одинъ за умѣнье жить полной жизнью въ вѣкахъ прошлыхъ, другой — за геніальную способность глубоко понимать и чувствовать искусство.

Таковы были въ тѣ годы общіе взгляды Бѣлинскаго на роль поэта и вообще искусства въ жизни. Не отнимая у этихъ взглядовъ ихъ глубины, нужно признать, что они сами «объективными» названы быть не могутъ. Они по существу своему тенденціозны, такъ какъ преслѣдуютъ очень опредѣленную цѣль, и притомъ не столько эстетическую цѣль, сколько этическую. Противъ страстей и ихъ пагубнаго вліянія на душу человѣка направлена вся эта эстетика. Она должна мирить чело-

вѣка съ жизнью, мирить насильно, искажая эту жизнь съ опредѣленной цѣлью. Но такъ какъ эта цѣль нравственна, такъ какъ она заключается въ установленіи разумнаго отношенія человѣка къ дѣйствительности, то такое искаженіе можетъ быть оправдано. Бѣлинскій готовъ даже обязать поэта имѣть исключительно оптимитическое міросозерцаніе. «Истинный поэтъ, — пишетъ онъ, — не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную пѣснь любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразнымъ стономъ скорби, но звучный, гармоническій, разнообразный соловей, поющій пѣснь природѣ... Созданія истиннаго поэта суть гимнъ Богу, прославленіе его великаго творенія... Въ царствѣ Божіемъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ; въ немъ одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе, и самая печаль въ немъ есть только грустная радость... Поэтъ есть гражданинъ этого безконечнаго и святого царства: ему Богъ далъ плодотворную силу любви проникать въ таинства полнаго славы творенья, и потому онъ долженъ быть его органомъ... Вопли растерзаннаго духа, сосредоточіе въ скорбяхъ и противорѣчіяхъ земной жизни доказываютъ пребываніе на землѣ и только грустное порываніе къ свѣтлому, голубому небу — подножію престола Вездѣсущаго»...

Жизнь должна была скоро исправить крайность такого взгляда. Онъ былъ слишкомъ произволенъ, чтобы выдержать сравненіе съ фактами. Если внимательно прочесть статьи Бѣлинскаго, писанныя имъ въ концѣ 39-го и въ началѣ 40-го года, т. е. когда это стремленіе примириться съ дѣйствительностью было въ немъ всего болѣе сильно, то и въ этихъ статьяхъ замѣтна уже нѣкоторая непослѣдовательность, нѣкоторое колебаніе въ его взглядахъ на искусство и на роль поэта въ жизни. Ко многимъ поэтамъ, которыхъ онъ любитъ вопреки своей теоріи и которыми увлекается, онъ никакъ не можетъ приложить своей эстетической мѣрки. Они подъ нее не подходятъ. Онъ не рѣшается, напр., вычеркнуть Байрона изъ числа великихъ поэтовъ, онъ восхищается нѣкоторыми стихами Лермонтова и даже признаетъ въ немъ «истиннаго» художника. Отъ Беранже онъ въ восторгѣ; онъ любитъ и Полежаева и часто цитируетъ его въ своихъ письмахъ; наконецъ и Шиллеръ начинаетъ пріобрѣтать прежнюю власть надъ его сердцемъ. Однимъ словомъ, его симпатіи враждуютъ съ его теоріей, и живое чувство не покрывается отвлеченнымъ мышленіемъ. Мы предугадываемъ, что близко то время, когда отъ этой отчаянной попытки оправдать дѣйствительность и отъ этого произвольно-тенденціознаго взгляда на поэта нашъ критикъ долженъ будетъ отказаться.

Послѣ всего сказаннаго насъ не удивитъ то недружелюбное, иногда прямо враждебное отношеніе Бѣлинскаго къ политикѣ дня и къ общественнымъ вопросамъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, съ которымъ мы сталкиваемся въ его статьяхъ за этотъ московскій періодъ его жизни. Практическій общественный вопросъ, требующій немедленнаго рѣшенія, равно какъ и политика дня, болѣе чѣмъ что-либо способны вывести человѣка изъ душевнаго равновѣсія и разжечь его страсти. Бѣлинскій понималъ, что эти вопросы были постоянной угрозой для его спокойнаго эстетико-философскаго міросозерцанія; онъ какъ будто чуялъ, что очень скоро они умчатъ его въ своемъ вихрѣ и поднимутъ вновь въ его душѣ ту бурю страстей, которую съ такимъ трудомъ ему удалось обуздать на время. Онъ ихъ боялся, и потому—онъ старался ихъ не замѣчать или просто отрицалъ ихъ. Вторженіе такихъ вопросовъ въ область творчества онъ считалъ гибелью для искусства. Вотъ почему, напр., французскій романтизмъ былъ ему тогда такъ противенъ. Творчество этихъ французскихъ романтиковъ, какъ, напр., Гюго, Бальзака, Жоржъ Зандъ было насквозь пропитано соціальной тенденціей и казалось нашему критику самымъ дерзкимъ издѣвательствомъ надъ святынею искусства. Французъ всегда въ зависимости отъ политики, говорилъ Бѣлинскій, онъ во всемъ зависитъ отъ злобы дня и потому создать безсмертнаго онъ не можетъ. Имъ правитъ минута, а не вѣчность, и потому взглядъ его на всѣ явленія міра крайне узокъ. У него нѣтъ разума, а есть только слѣпой конечный разсудокъ. Онъ фразеръ и вообще человѣкъ довольно легкомысленный. Убѣдиться въ этомъ не трудно, если поближе присмотрѣться къ французской философіи, искусству, критикѣ и наукѣ. Все пропитано тенденціей, все не глубоко. Иное дѣло — нѣмцы. Бѣлинскій, какъ ихъ ревностный ученикъ, который во всемъ любилъ уравновѣшенное спокойствіе мысли и чувства, не могъ безъ раздраженія читать Гюго, который его сердилъ дикой и необузданной фантазіей; онъ отворачивался отъ такихъ «фразеровъ», какъ Мишле и Кинэ; онъ былъ возмущенъ безъидейностью господина де-Бальзака и былъ онъ въ ужасѣ отъ Жоржъ Зандъ, которая тамъ уронила званіе женщины тѣмъ, что стала писательницей, и вдобавокъ—съ извѣстной политической окраской, которую ей навязали ея друзья—сенсимонисты.

Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ было много страннаго, такъ много, что самъ Бѣлинскій, спустя очень короткій срокъ, избѣгалъ заглядывать въ тѣ книжки журнала, въ которыхъ они были высказаны.

Вражда ко всякой политикѣ и злобѣ дня была также естественнымъ выводомъ изъ тѣхъ историко-философскихъ взглядовъ, ко-

торыхъ держался тогда Бѣлинскій. Волноваться политическими и соціальными вопросами значило для него не признавать даннаго ихъ рѣшенія, которое, какъ все существующее, было разумно. И дѣйствительно, Бѣлинскій подъ конецъ своей московской жизни пришелъ къ полному оправданію всего существующаго политическаго и соціальнаго порядка, который онъ вокругъ себя видѣлъ.

Свои взгляды на этотъ порядокъ Бѣлинскій изложилъ подробно въ двухъ статьяхъ посвященныхъ разбору нѣкоторыхъ произведеній, которыя были вызваны празднованіемъ годовщины Бородинскаго сраженія. Критикъ прикрылъ, такимъ образомъ, эти взгляды сразу національнымъ знаменемъ. Обѣ статьи были выдержаны въ строго патріотическомъ духѣ и доказывали, что наша русская дѣйствительность—такова, какова она есть—не оставляетъ желать ничего лучшаго, что она разумна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Національная точка зрѣнія автора сказывалась прежде всего въ подчеркиваніи и превознесеніи нашей русской самобытной культуры, сохраняющей свою независимую роль среди другихъ культуръ міра. Критикъ говорилъ затѣмъ о томъ отношеніи, въ какое мы должны стать къ западной цивилизаціи. «Наши отношенія къ ней,—писалъ онъ,—должны состоять въ усвоеніи лишь *общечеловѣческихъ* завоеваній культуры. Отдавая должную справедливость и должную дань хвалы и удивленія всему *истинному* у нашихъ западныхъ сосѣдей, мы должны быть далеки отъ ослѣпленія признавать за предметъ подражанія то, что́ относится собственно къ формѣ ихъ народной, а не общечеловѣческой жизни; мы должны умѣть быть гордыми собственной національностью, основными стадіями своей народной индивидуальности»...

Итакъ, одно только истинное и общечеловѣческое имѣло въ глазахъ Бѣлинскаго право на наше вниманіе; подъ этими неопредѣленными выраженіями нашъ критикъ разумѣлъ—искусство, философію и науку; область гражданскихъ чувствъ и политику онъ отнесъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ формамъ «народной» жизни, отъ подражанія, которымъ онъ и предостерегалъ своихъ соотечественниковъ. Онъ осуждалъ французскую революцію, ошибочно отождествляя ея принципы съ принципами террора; онъ смѣялся при случаѣ надъ либеральнымъ движеніемъ умовъ въ Германіи, называлъ Тугендбундъ союзомъ школьниковъ и духовно-малолѣтнихъ дѣтей; презрительно отзывался о сенъ-симонистахъ, теоріи которыхъ имѣли въ 30-тыхъ годахъ своихъ поклонниковъ въ Россіи. Вообще всякое движеніе въ сферѣ общественной и политической мысли, которое влекло за собой ссору съ существующимъ порядкомъ вещей, Бѣлинскій признавалъ за результатъ неглубокаго пониманія жизни. Отъ такого ошибочнаго взгляда хотѣлъ онъ уберечь читателя и былъ убѣжденъ, что гражданское и политическое устройство нашей родины не нуждается ни въ какомъ улучшеніи. Этому оправданію русской дѣйствительности Бѣлинскій придалъ даже извѣстный религіозный оттѣнокъ. Въ своихъ сужденіяхъ онъ опирался на изреченіе апостола Павла о божественномъ происхожденіи всякой власти и указывалъ на русскія побѣды, начиная съ низверженія татарскаго ига вплоть до 1812 года, какъ на свидѣтельство особаго Божьяго о насъ попеченія. Онъ признавалъ, что правительственная власть въ своихъ заботахъ о нашихъ нуждахъ всегда шла впереди и тѣмъ самымъ упраздняла въ разумномъ человѣкѣ всякое недовольство данной минутой.

Статьи Бѣлинскаго, какъ видимъ, были полны самаго безотчетнаго оптимизма. Но пустилъ ли этотъ оптимизмъ, дѣйствительно, глубокіе корни въ сердцѣ? Не былъ ли онъ отчаяннымъ упорствомъ въ человѣкѣ, уставшемъ отъ сомнѣній и тревогъ слишкомъ совѣстливаго сердца? Судя по тому, какъ быстро Бѣлинскій отошелъ отъ этихъ точекъ зрѣнія, можно думать что этотъ крайній оптимизмъ былъ дѣйствительно насиліемъ, которое критикъ совершилъ надъ своимъ духомъ.

Подведемъ же конечный итогъ міросозерцанію Бѣлинскаго, какъ оно сложилось въ послѣдніе годы его московской жизни. Мы будемъ говорить его собственными словами:

«Въ духовномъ развитіи человѣка,—писалъ онъ,—моментъ отрицанія необходимъ, потому что кто никогда не ссорился съ истиною, у того и миръ съ нею не очень проченъ; но это отрицаніе должно быть именно только моментомъ, а не цѣлью жизни; ссора не можетъ быть цѣлью самой себѣ, но имѣетъ цѣлью примиреніе. Всякій духовный процессъ совершается съ болью и страданіемъ, и столкновеніе субъективной личности человѣка съ объективнымъ міромъ сперва необходимо является, какъ борьба и страданіе. Но дорогое и покупается дорогой цѣною, и благо тому, кто цѣной страданія пріобрѣтаетъ истину, которая одна даетъ блаженство. Но горе тѣмъ, которые ссорятся съ обществомъ, чтобы никогда не помириться съ нимъ. Общество есть высшая дѣйствительность, а дѣйствительность или требуетъ полнаго мира съ собой, полнаго признанія себя со стороны человѣка или сокрушаетъ его подъ свинцовой тяжестью своей исполинской длани,—кто отторгся отъ нея безъ примиренія, тотъ дѣлается призракомъ, кажущимся ничто, и погибаетъ».

И какъ не примириться съ ней, если всѣ ея недостатки заключены не въ ней, а въ

насъ самихъ, которые не умѣемъ понять ее какъ слѣдуетъ?

«Все, что́ есть, то необходимо, разумно и дѣйствительно. Посмотрите на природу, примкните съ любовью къ ея материнской груди, прислушайтесь къ бесѣдѣ ея сердца, и увидите въ ея безконечномъ разнообразіи удивительное единство, въ ея безконечномъ противорѣчіи удивительную гармонію. Кто можетъ найти хоть одну погрѣшность, хоть одинъ недостатокъ въ твореніи предвѣчнаго художника? Кто можетъ сказать, что вотъ эта былинка не нужна, это животное лишнее? Если же міръ природы, столь разнообразный, столь, повидимому, противорѣчивый, такъ разумно-дѣйствителенъ, то неужели высшій его—міръ исторіи не есть такое же разумно-дѣйствительное развитіе божественной идеи, а какая-то безсвязная сказка, полная случайныхъ и противорѣчащихъ столкновеній между обстоятельствами?»

«Разумъ схватываетъ предметъ со всѣхъ его сторонъ, повидимому, одна другой противорѣчащихъ и другъ съ другомъ не совмѣстимыхъ, схватываетъ его во всей его полнотѣ и цѣльности. И потому разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, предварительно взявъ за аксіому, что все, что́ есть, все то и необходимо, и законно, и разумно. Онъ не говоритъ, что такой-то народъ хорошъ, а всѣ другіе, непохожіе на него дурны, что такая-то эпоха въ исторіи народа или человѣка хороша, а такая-то дурна, но для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, какъ выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ развивающейся»...

Какъ скоро отъ всѣхъ этихъ успокоительныхъ размышленій пришлось Бѣлинскому отказаться!

X. Московскій періодъ въ дѣятельности Бѣлинскаго важенъ не одной только этой теоретической и философской постановкой вопросовъ. Всѣ эти разсужденія летѣли, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, поверхъ головы читателей; если что въ статьяхъ Бѣлинскаго приносило непосредственную пользу, такъ это его критическіе разборы ежемѣсячныхъ новинокъ иностраннаго и русскаго литературнаго рынка. Хотя Бѣлинскій и былъ почти исключительно занятъ оцѣнкой художественной стоимости разбираемыхъ произведеній, но мимоходомъ ему все-таки приходилось касаться вопросовъ чисто-историческихъ и историко-литературныхъ, приходилось говорить о разныхъ сторонахъ человѣческой культуры вообще, о разныхъ отрасляхъ знанія. Уже въ Москвѣ критика Бѣлинскаго была общественной силой, разсадникомъ самаго разнообразнаго знанія и отголоскомъ западной жизни, науки и искусства, не говоря уже о томъ, что въ ней было отмѣчено и оцѣнено всякое не только крупное, но даже еле замѣтное движеніе русской мысли.

Первая статья Бѣлинскаго «Литературныя Мечтанія» (1834) была и краткимъ очеркомъ русской литературы за цѣлое столѣтіе, и первымъ наброскомъ идейной исторіи русской словесности, первой попыткой объяснить ходъ культурной жизни народа памятниками его творчества. Въ ней былъ указанъ совсѣмъ новый для того времени критическій пріемъ, благодаря которому художественное произведеніе истолковывалось, какъ органическій продуктъ всей народной цивилизаціи. Уже въ этой первой статьѣ историческая точка зрѣнія была, какъ видимъ, признана. Заглавіе статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя» (1835) также не покрывало ея содержанія: это былъ не только обзоръ русскихъ повѣстей и романовъ въ ихъ историческомъ развитіи,—это былъ въ то же время трактатъ объ эстетикѣ и цѣлый курсъ теоріи словесности. Такимъ же историко-литературнымъ трактатомъ съ большими отступленіями въ область иностранной словесности, была и статья, скромно названная «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя» (1836). Кто ожидалъ бы найти въ театральной рецензіи цѣлую диссертацію о Гамлетѣ и рядъ экскурсій въ область психологіи и эстетики? А именно такой диссертаціей и былъ столь извѣстный отчетъ «о Мочаловѣ въ роли Гамлета» (1838). И, кромѣ этихъ крупныхъ статей, сколько мелкихъ библіографическихъ замѣтокъ было набросано Бѣлинскимъ за эти годы его московской жизни,—замѣтокъ, которыя съ виду кажутся совсѣмъ незначительными отчетами о еще болѣе незначительныхъ новинкахъ книжнаго рынка, а между тѣмъ хранятъ въ себѣ необычайно остроумныя и мѣткія замѣчанія о всевозможныхъ житейскихъ и научныхъ вопросахъ. Эти летучія замѣтки оказали большую услугу русскому обществу, наводя читателя всегда на какой-нибудь серьезный вопросъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Итакъ, если статьи, написанныя Бѣлинскимъ въ Москвѣ, и носили въ общемъ отвлеченный и теоретическій характеръ, если самъ критикъ былъ преимущественно занятъ основной идеей, которую онъ проводилъ, и которая далеко не всѣмъ была доступна, то, за вычетомъ этихъ трудностей, въ статьяхъ Бѣлинскаго даже интеллигентный читатель находилъ для себя цѣлую сокровищницу самаго разнообразнаго знанія. Съ годами этотъ запасъ знанія у критика увеличился; онъ, подъ конецъ своей жизни, сталъ для Россіи не только истолкователемъ ея самыхъ насущныхъ нуждъ, но и почти единственнымъ, самымъ ревностнымъ и наиболѣе компетентнымъ проводникомъ европейской мысли во всемъ

ея богатствѣ. Къ этой роли Бѣлинскій, какъ видимъ, готовился уже въ Москвѣ.

XI. Петербургъ сулилъ нашему критику много новыхъ впечатлѣній, но Бѣлинскій покидалъ Москву со страхомъ. Приходилось рвать очень дорогія связи. Человѣку, привыкшему къ тѣсной кружковой жизни и къ постоянному обмѣну мыслей съ людьми, которые его понимали съ полслова, жизнь въ Петербургѣ должна была казаться жизнью на чужбинѣ, не говоря уже о томъ, что москвичи вообще акклиматизируются туго въ другихъ городахъ. Въ Петербургѣ близкихъ людей у Бѣлинскаго не было, зато враговъ было много. Журнальный тріумвиратъ Сенковскаго, Греча и Булгарина былъ ему прямо враждебенъ; бывшій кружокъ Пушкина былъ ему чуждъ; редакція «Отечественныхъ Записокъ», которая вызвала его изъ Москвы, состояла также изъ лицъ ему мало знакомыхъ. Однимъ словомъ, на первыхъ порахъ, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Какъ тяжело это одиночество ему ложилось на душу, видно по письмамъ, которыя онъ писалъ своимъ московскимъ товарищамъ. Это были длинныя письма, иногда цѣлыя тетради, и уже по ихъ размѣрамъ можно видѣть, какъ мало въ Петербургѣ имѣлъ Бѣлинскій случаевъ высказаться и быть откровеннымъ. Пріѣзды московскихъ друзей были для него всегда праздникомъ даже тогда, когда онъ обжился въ новомъ городѣ и когда около него составился новый кружокъ друзей, въ числѣ которыхъ были Некрасовъ, Панаевъ, Тургеневъ, Анненковъ и др. Но эти новые друзья все-таки не могли замѣнить ему старыхъ.

Что касается внѣшней стороны петербургской жизни Бѣлинскаго, то если она и была болѣе богата впечатлѣніями, чѣмъ жизнь московская, она тѣмъ не менѣе представляетъ очень мало интереса. Это была тихая кабинетная жизнь, трудовая и очень скромная. Съ 1843 года она была скрашена семейнымъ счастьемъ. То, что̀ придавало этой жизни особенную монотонность, это было — отсутствіе движенія. Въ то время, какъ товарищи Бѣлинскаго обогащали запасъ своихъ знаній и впечатлѣній частыми поѣздками и по Россіи, и за границу, онъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, прикованный къ нему своей работой и недостаткомъ средствъ. Два раза и то на весьма короткій срокъ уѣзжалъ онъ изъ Петербурга, и оба раза съ чисто гигіеническою цѣлью. Онъ ѣздилъ лѣчиться сначала на югъ Россіи, потомъ, почти передъ самой смертью, за границу. Быть можетъ, въ виду болѣзни, и впечатлѣніе, произведенное на него заграничной жизнью, было менѣе сильно, чѣмъ мы могли-бы ожидать, принимая во вниманіе его впечатлительный и чуткій характеръ.

Но если въ общемъ внѣшнія условія жизни Бѣлинскаго въ Петербургѣ были такъ несложны и однообразны, то на ходъ его мыслей, переѣздъ въ сѣверную столицу оказалъ безспорно большое вліяніе. Бѣлинскій приходилъ въ Петербургѣ въ болѣе частое и болѣе сильное столкновеніе съ различными сторонами русской жизни, которыя въ Москвѣ онъ наблюдалъ только издалека. Кружковая жизнь, и притомъ чисто умственная, вращавшаяся почти исключительно въ сферѣ теоретическихъ и отвлеченныхъ вопросовъ, особляла въ Москвѣ силу его взгляда на самые факты реальной жизни. Въ Петербургѣ эти факты бросались ему въ глаза рѣзче, и такъ какъ къ этому времени его склонность смотрѣть на всѣ явленія жизни лишь съ самыхъ общихъ точекъ зрѣнія въ немъ вообще ослабѣвала, то эта дѣйствительность являлась ему теперь во всей ея неприглядной будничной наготѣ и вызывала въ немъ вновь тотъ наплывъ страсти и желчи, который онъ считалъ такой помѣхой для истинно разумной и нравственной жизни.

Въ одной изъ своихъ критическихъ статей, писанныхъ имъ въ 1841 г. Бѣлинскій говорилъ: «вы можете меня читать или не читать—какъ вамъ угодно; но, Бога ради, не смотрите съ ненавистью, какъ на человѣка злого и недоброжелательнаго, на того, кто въ лѣта суроваго опыта, обнажившаго передъ нимъ дѣйствительность, протирая глаза отъ ѣдкаго дыма лопающихся, подобно шутихамъ, фантазій, на все смотритъ мрачно, всему придаетъ какую-то важность и обо всемъ судитъ съ желчной завистью: можетъ быть, это происходитъ оттого, что нѣкогда его сердце билось однимъ безконечнымъ, а въ душѣ жили высокіе идеалы, а теперь его сердце полно одного безконечнаго страданія, а идеалы разлетѣлись при грозномъ свѣточѣ опыта, и онъ своимъ докучливымъ ворчаніемъ мститъ дѣйствительности за то, что она такъ жестоко обманула его...» Эти слова очень характерны для нашего критика: какъ недавно еще смотрѣлъ онъ на всю окружающую жизнь оптимистично и съ довѣріемъ, и вдругъ теперь онъ говоритъ о «желчномъ раздраженіи» противъ дѣйствительности и о «мести» ей... Очевидно, что въ его отношеніяхъ къ фактамъ реальной жизни произошла важная перемѣна, заставившая его взглянуть на свой недавній оптимизмъ, какъ на фантазію, какъ на шутиху, которая могла лопнуть. Въ чемъ заключалась эта перемѣна—догадаться не трудно, хотя самъ Бѣлинскій и говорилъ о ней такъ иносказательно.

Высказаться яснѣе ему было однако трудно, въ особенности въ печати; ему приходилось маскировать поэтическими и красивыми фразами очень печальныя размышленія. Они всѣ сводились къ одному выводу: тео-

ретическій оптимизмъ недавнихъ лѣтъ не оправдывался той дѣйствительностью, къ которой Бѣлинскій имѣлъ теперь больше случаевъ присмотрѣться.

Казалось бы однако, что если Бѣлинскій дѣйствительно былъ вполнѣ убѣжденъ, что все, что̀ существуетъ—разумно и заслуживаетъ оправданія, то къ какимъ бы печальнымъ взглядамъ его не приводило теперь болѣе близкое знакомство съ переживаемой минутой, онъ все равно долженъ былъ признать, что она не оставляетъ желать ничего лучшаго. Какъ бы велики ни были ея недостатки, безстрастная философія должна была оправдать ихъ. Но дѣло въ томъ, что такое оправданіе, какъ мы видѣли, было вовсе не результатомъ свободной мысли, ищущей одной безразличной истины. Весь пресловутый философскій покой духа былъ понимаемъ Бѣлинскимъ лишь какъ одно изъ условій этическаго отношенія къ дѣйствительности, и потому, съ того момента, какъ этотъ покой переставалъ *удовлетворять его сердце*, власть его надъ этимъ сердцемъ была уничтожена. Малая житейская опытность могла прежде подогрѣть въ немъ это миролюбивое отношеніе къ жизни; но достаточно было, чтобы этотъ опытъ увеличился, чтобы столкновенія съ жизнью стали болѣе непосредственны, и на свое примиреніе съ дѣйствительностью Бѣлинскій долженъ былъ взглянуть такъ же враждебно, какъ раньше онъ смотрѣлъ на свою романтическую «прекраснодушную» ссору съ ней. Но и кромѣ того, съ точки зрѣнія самой логики, такое повтореніе разлада съ дѣйствительностью было вполнѣ объяснимо и могло быть оправдано. Если все, что̀ есть—разумно, то и вражда съ дѣйствительностью, если она есть потребность души человѣка, такъ же разумна, какъ все остальное.

Бѣлинскій былъ неправъ только, когда говорилъ, что его слова начинаютъ дышать «местью» къ дѣйствительности. Вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что въ нихъ начинала говорить истинная разумная любовь къ ней. Его теперешняя вражда къ историческому моменту, который ему пришлось переживать, во многомъ разнилась отъ прежняго романтическаго разлада съ нимъ. Бѣлинскій самъ опредѣлилъ очень вѣрно свое новое отношеніе къ жизни въ слѣдующихъ словахъ, которыя были имъ написаны въ 1842 г. «Романтизмъ,—писалъ онъ,—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа или внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Обаятеленъ этотъ фантастическій запертый въ самомъ себѣ міръ. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, въ глубь себя, чтобы питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его. Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ сдѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чуждомъ и странномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди недалекіе и неглубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами. Но горе и тому, кто, увлеченный одною внѣшностью, дѣлается и самъ внѣшнимъ человѣкомъ: нѣтъ ему вѣрнаго убѣжища въ самомъ себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ ни глубокихъ нравственныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все, что̀ хотите, но онъ никогда не «человѣкъ». Итакъ, оба эти міра, внутренній и внѣшній — крайности; равно опасно предаваться одной изъ нихъ исключительно; но оба эти міра равно нуждаются одинъ въ другомъ, и въ возможномъ проникновеніи одного другимъ заключается дѣйствительное совершенство человѣка. Міръ внѣшній встрѣчаетъ насъ при самомъ рожденіи нашемъ и уловляетъ насъ: чтобы избавиться отъ его ложныхъ и нечистыхъ объятій, прежде всего нужно развить въ себѣ романтическіе элементы. Пусть они возобладаютъ надъ нашимъ духомъ, возбудятъ въ насъ восторженность и фанатизмъ: въ сильной натурѣ, одаренной тактомъ дѣйствительности, они уравновѣсятся въ свое время съ другою стороной нашего духа, зовущею ихъ въ міръ исторіи и дѣйствительности»...

Въ такихъ красивыхъ и задушевныхъ словахъ давалъ Бѣлинскій самъ себѣ отчетъ о совершившемся новомъ переломѣ въ его міросозерцаніи и настроеніи. Теперь только между нимъ и дѣйствительностью было установлено истинно-разумное и нравственное отношеніе; идеалъ не былъ принесенъ въ жертву реальной жизни, и интересъ къ этой жизни не былъ заслоненъ тяготѣніемъ къ идеалу. Между ними состоялось желанное соглашеніе. Отнынѣ Бѣлинскій полагалъ свою задачу не въ томъ, чтобы сердиться на жизнь за ея несогласіе съ ея просвѣтленнымъ идеаломъ и не въ томъ, чтобы мириться со всѣмъ, что̀ онъ вокругъ себя видѣлъ; передъ нимъ была задача го-

раздо болѣе трудная: надлежало приблизить эту жизнь къ идеалу, указывая на тѣ ея стороны, которыя съ этимъ идеаломъ спорили, вдумываясь въ самые мелкіе ея факты, самые прозаическіе, быть можетъ, даже грязные, чтобы указаніемъ на нихъ будить въ человѣкѣ самосознаніе. Его духъ, какъ онъ самъ говорилъ, звалъ его въ міръ «исторіи и дѣйствительности», и Бѣлинскій, со всей свойственной ему ревностью и страстностью, сталъ выяснять себѣ, въ чемъ заключался главный запросъ современнаго ему историческаго момента.

Кругъ интересовъ Бѣлинскаго теперь значительно расширяется, на что ясно указываетъ содержаніе его критическихъ статей. Оно становится чрезвычайно богато; помимо философскихъ и литературныхъ вопросовъ, въ этихъ статьяхъ затрагиваются вопросы исторіи, политики и, главнымъ образомъ, вопросы соціальные въ широкомъ смыслѣ этого слова. Конечно, Бѣлинскій не имѣлъ возможности высказать все, что онъ объ этихъ вопросахъ думалъ, и потому, если мы хотимъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ эти общественные вопросы его тогда волновали, намъ необходимо обратиться къ его частной перепискѣ. Даже въ томъ маломъ количествѣ писемъ Бѣлинскаго, которыя до сихъ поръ преданы гласности, этотъ все болѣе и болѣе возрастающій интересъ къ общественнымъ вопросамъ даетъ себя явственно чувствовать. Этотъ интересъ питается въ немъ и поддерживается, главнымъ образомъ, усиленнымъ чтеніемъ французской и англійской литературы. Бѣлинскій измѣняетъ теперь на время своимъ любимымъ нѣмцамъ. Французская и англійская словесность и преимущественно соціальный романъ того времени знакомятъ его со всѣми самыми животрепещущими вопросами минуты, и нашъ критикъ, такъ еще недавно ихъ принципіальный врагъ, становится теперь ихъ проводникомъ въ русскомъ обществѣ и кладетъ ихъ въ основаніе своихъ новыхъ взглядовъ на критику. Знакомясь съ тогдашней иностранной жизнью по памятникамъ литературы и по главнымъ историческимъ сочиненіямъ, а также по разсказамъ своихъ товарищей, изъ которыхъ почти ежегодно кто-нибудь путешествуетъ за границей, Бѣлинскій убѣждается въ правотѣ тѣхъ взглядовъ на дѣйствительность, которые въ немъ самостоятельно тогда вырабатывались.

XII. Сороковые годы отмѣчены въ исторіи Европы очень сильнымъ либеральнымъ движеніемъ умовъ и повышеніемъ интереса къ вопросамъ чисто соціальнаго характера. Для всѣхъ культурныхъ странъ Европы это были очень тревожные годы. Для Англіи это былъ періодъ усиленной парламентской борьбы консервативныхъ и либеральныхъ министерствъ; для Франціи—періодъ торжества буржуазіи, противъ которой начинала свой побѣдоносный походъ демократія; въ Германіи и Австріи это были годы рѣшительной схватки конституціонализма съ абсолютизмомъ; въ Италіи—годы ожесточенной борьбы за національную и политическую независимость. Къ концу сороковыхъ годовъ это броженіе разрѣшилось открытой революціей во всѣхъ странахъ, кромѣ Англіи. Протестъ противъ дѣйствительности былъ лозунгомъ того времени и притомъ протестъ самый страстный, активный; ни о какомъ примиреніи съ этой дѣйствительностью, ни о какомъ оправданіи ея не было рѣчи. Та страна, въ которой эта оптимистическая философія родилась и процвѣтала, была сама въ политической горячкѣ, и въ рядахъ самыхъ рьяныхъ либераловъ, отрицавшихъ всякое перемиріе съ переживаемой минутой, находились всѣ талантливые ученики Гегеля. Борьба за политическую свободу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, за свободу религіи и науки, мечты о новомъ соціальномъ строѣ, о новыхъ нравственныхъ началахъ для семьи и общества, рабочій вопросъ, задача о повышеніи умственнаго и нравственнаго уровня массъ—вся эта злоба дня дробила тогдашнюю Европу на массу партій, враждовавшихъ между собой и на словахъ, и на дѣлѣ.

Для русскаго интеллигентнаго человѣка въ этой борьбѣ не все, конечно, было одинаково понятно, и далеко не всѣ поднятые вопросы были равно близки его сердцу; на многое онъ могъ смотрѣть глазами любопытнаго зрителя. Но были вопросы, которые и его задѣвали за живое—вопросы первостепенной важности, которыми долженъ былъ болѣть онъ самъ, когда внимательнѣе присматривался къ русской дѣйствительности.

При всемъ разнообразіи въ содержаніи тѣхъ споровъ, которые велись тогда на западѣ, въ основѣ ихъ лежала—борьба за право человѣка на свободную мысль и свободное чувство. Борьба за его достоинство какъ человѣка, освобожденіе его изъ-подъ власти устарѣвшихъ обычаевъ и понятій, изъ-подъ опеки, которая становилась уже лишней въ виду его совершеннолѣтія—вотъ та общая цѣль, которую преслѣдовали западные либералы. При всемъ случайномъ, временномъ и мѣстномъ характерѣ, какой носили многія стороны этого движенія, — сущностью его оставалось все-таки воспитаніе свободной человѣческой личности, какъ нравственной и умственной единицы.

Знакомясь подробнѣе съ этимъ броженіемъ умовъ и чувствъ на западѣ, русскій человѣкъ не могъ не задуматься надъ тѣмъ, что онъ вокругъ себя видѣлъ. Вопросъ о томъ, насколько умственно и нравственно

воспитана русская личность, не могъ не навернуться. Какъ ни далека была русская жизнь отъ жизни европейской, но въ данномъ случаѣ споръ касался общечеловѣческаго интереса, и потому конечные выводы этого спора были приложимы и къ нашей родинѣ—и, конечно, болѣе приложимы, чѣмъ тѣ итоги отвлеченныхъ теорій, съ точки зрѣнія которыхъ Бѣлинскій и его друзья такъ недавно еще смотрѣли на русскую дѣйствительность.

О томъ, насколько понятіе о человѣкѣ, какъ личности нравственной, умственной и свободной, оправдывалось въ тѣ времена явленіями русской жизни, упоминать нечего. Мы знаемъ, какъ много некультурнаго элемента было въ жизни различныхъ «темныхъ царствъ» нашего общества. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ та «обличительная» литература, та «натуральная» школа съ Гоголемъ во главѣ, которая въ сороковыхъ годахъ зародилась и расцвѣла такъ быстро. Одна изъ большихъ заслугъ Бѣлинскаго заключалась именно въ томъ, что въ самый моментъ зарожденія этой литературы онъ угадалъ ея громадную культурную роль и былъ въ ряду этихъ писателей первымъ, кто воспользовался художественнымъ словомъ въ цѣляхъ нравственнаго и умственнаго воздѣйствія на общество.

Кромѣ этого общаго вопроса о воспитаніи умственно и нравственно самостоятельной интеллигентной личности, западная мысль того времени была очень занята вопросомъ о положеніи низшихъ классовъ общества — объ ихъ духовной и матеріальной эмансипаціи. Въ массѣ романовъ, повѣстей и драмъ даны были точные «физіологическіе» очерки изъ жизни низшаго сословія, пролетаріата и рабочихъ классовъ. О нуждахъ этихъ классовъ и о различныхъ способахъ удовлетворить ихъ насущныя потребности говорилось тогда въ безчисленныхъ летучихъ брошюрахъ, статьяхъ и книгахъ. Демократическія и соціалистическія теоріи были въ большомъ ходу.

Въ этихъ теоріяхъ многое было также совсѣмъ чуждо русскому человѣку, но опять-таки основная идея, изъ которой онѣ вытекали,—идея объ улучшеніи условій духовной и матеріальной жизни массъ имѣла животрепещущій интересъ для всѣхъ тѣхъ, кто задумывался надъ положеніемъ этихъ массъ въ Россіи. На глазахъ у всѣхъ процвѣтало крѣпостное право, и хотя въ 40-хъ годахъ правительство уже сознавало необходимость реформы, но для осуществленія ея почти ничего не было сдѣлано. Бѣлинскій всегда принималъ близко къ сердцу это положеніе народной массы; о немъ онъ говорилъ еще въ своей юношеской драмѣ, и этотъ вопросъ не переставалъ его тревожить и теперь, какъ видно изъ его частной переписки. Такимъ образомъ въ своихъ симпатіяхъ къ народу онъ также сходился съ тогдашней западной литературой; въ ней онъ могъ найти много картинъ изъ народной жизни, которыя могли ему напомнить его родину; въ ней онъ могъ вычитать и много мыслей, которыя ему самому приходили въ голову. Что эти картины и мысли были далеко не миролюбивыя—это ясно.

Итакъ, частью самостоятельно, частью подъ вліяніемъ западныхъ идей, нашъ критикъ мало-по-малу становился къ окружающей его дѣйствительности въ боевое отношеніе. Двѣ главнѣйшихъ задачи его времени—вопросъ о воспитаніи гуманной интеллигентной личности и вопросъ о повышеніи умственнаго и нравственнаго уровня массы—занимали теперь его умъ и сердце и налагали на него обязанность стать ихъ истолкователемъ передъ русскимъ обществомъ.

Обязанность была трудно - исполнимая. Цензурныя условія были очень неблагопріятны и становились съ каждымъ годомъ все строже и строже. По мѣрѣ того, какъ демократическое и либеральное движеніе на западѣ усиливалось, усиливалась и опека надъ русской мыслью. Проводить въ общество философскіе и эстетическіе взгляды было значительно легче, чѣмъ общественныя теоріи. Приходилось быть очень осторожнымъ, и все-таки, не смотря на эту осторожность, статьи Бѣлинскаго почти всегда подвергались сокращеніямъ. Ставить вопросы прямо было невозможно; приходилось говорить о нихъ при случаѣ, и надобно было выискивать такой случай.

Бѣлинскій видѣлъ ясно, что только одна литература, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова можетъ прійти ему на помощь. Западъ могъ служить ему въ данномъ случаѣ примѣромъ. Но на западѣ такая воинственная литература находила себѣ сильную поддержку въ наукѣ и публицистикѣ; въ Россіи она должна была очутиться безъ союзниковъ. Бѣлинскій это понималъ; вотъ почему онъ и повысилъ теперь тѣ требованія, которыя онъ ставилъ русской литературѣ и критикѣ. Для того, чтобы она могла выполнить съ успѣхомъ свою новую роль—проводника общественныхъ идей,—для этого нужно было, чтобы эти идеи были въ ней подчеркнуты рѣзко. Такъ точно и критика, если она хотѣла быть на истинной высотѣ своего новаго призванія, должна была стремиться отыскать и подчеркнуть въ каждомъ литературномъ произведеніи прежде всего его гуманную тенденцію.

Литературой приходилось пользоваться, какъ непосредственнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ некультурными сторонами нашей жизни, и критикъ былъ принужденъ теперь по-

стоянно смѣшивать эстетическую оцѣнку произведенія съ оцѣнкой его, какъ историческаго документа.

XIII. Развитію этого новаго взгляда на назначеніе искусства и на роль художника въ жизни, Бѣлинскій посвятилъ много страницъ въ своихъ критическихъ статьяхъ послѣдняго періода. Нѣтъ почти ни одной статьи, въ которой бы онъ прямо или косвенно ни коснулся этого вопроса. Очевидно, что для него этотъ вопросъ былъ теперь самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ и его взглядъ на собственную дѣятельность.

Сравнивая между собой всѣ высказанныя имъ по этому поводу мысли, можно видѣть, что сверхъ ожиданія въ нихъ не было принципіальной узости.

Критикъ смотрѣлъ на литературныя произведенія съ двухъ точекъ зрѣнія: онъ цѣнилъ ихъ то какъ произведенія искусства, то какъ вѣрную назидательную картину дѣйствительности, изъ которой можно было извлечь подобающую пользу и нравоученіе. Онъ никогда не отрекался всецѣло отъ своихъ прежнихъ эстетическихъ взглядовъ и говорилъ только о томъ, что въ настоящее время и при данныхъ условіяхъ онъ въ литературѣ цѣнитъ больше идею, которая руководитъ художникомъ, чѣмъ ея выполненіе. Если теперь онъ такъ высмѣивалъ самого себя за свое недавнее «примиреніе» съ дѣйствительностью и за ея оправданіе, то онъ не позволялъ себѣ такого смѣха надъ своимъ увлеченіемъ красотой, чистой, незлобивой, величаво-спокойной,—той красотой, на которую онъ въ Москвѣ такъ молился. Въ немъ не умиралъ эстетикъ; онъ только умолкалъ теперь, чтобы уступить свое мѣсто историку и моралисту.

Дѣйствительно, въ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго, въ которыхъ столько полемической страсти, мы нерѣдко встрѣчаемся съ замѣтками, а иногда и цѣлыми разсужденіями, въ которыхъ мы узнаемъ прежняго эстетика, въ глазахъ котораго всякое истинно художественное произведеніе, даже не имѣющее прямой связи съ данной минутой, заслуживаетъ признанія. Припомнимъ хотя бы статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ, писанныя имъ подъ конецъ жизни. Какъ глубока въ этихъ статьяхъ эстетическая оцѣнка произведеній поэта и какъ не тенденціозенъ, объективно вѣренъ его взглядъ на Пушкина! Сколько чисто эстетическаго чутья обнаруживаетъ нашъ критикъ въ своемъ судѣ надъ поэзіей Майкова, Полонскаго, Григорьева, Бенедиктова, Языкова, Хомякова и другихъ? Во всѣхъ этихъ статьяхъ онъ одновременно и публицистъ, и художественный критикъ.

Отъ столкновенія прежнихъ взглядовъ на искусство съ новыми, чисто публицистическими, выиграли и тѣ и другіе. Мы не встрѣчаемся уже съ такимъ тенденціозно безстрастнымъ взглядомъ на поэта, который такъ поражалъ насъ прежде; съ другой стороны, мы не встрѣчаемъ и умышленнаго отрицанія всякой власти прекраснаго надъ нами, умышленнаго приниженія прекраснаго въ пользу исключительно полезнаго.

Замѣтимъ впрочемъ, что Бѣлинскій былъ человѣкъ очень страстный, и такъ какъ его критическія статьи, въ особенности въ послѣднее время, писались всегда къ сроку, то понятно, что многое въ нихъ зависѣло отъ минутнаго настроенія писателя, который поэтому и теперь не былъ вполнѣ застрахованъ отъ крайностей. Въ минуту гнѣва или полемическаго задора Бѣлинскій могъ попрежнему «неистово» наброситься на какого-нибудь невиннаго писателя, укоряя его въ равнодушіи къ дѣйствительности, могъ потребовать отъ него, чтобы онъ непремѣнно писалъ такъ, а не иначе, могъ при случаѣ даже поглумиться надъ какимъ-нибудь пѣвцомъ чистой красоты; но это были вспышки, которыя быстро проходили; самъ Бѣлинскій спѣшилъ оговориться и исправить односторонность своего мнѣнія.

Въ итогѣ всѣхъ разсужденій Бѣлинскаго на эту тему получился очень опредѣленный и ясный взглядъ на требованья, которыя критикъ теперь предъявлялъ художественному произведенью. Въ одномъ частномъ письмѣ къ своему другу Боткину, писанномъ незадолго до смерти, Бѣлинскій высказался очень откровенно по этому поводу: «мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше,—писалъ онъ,—какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т.-е. не впадала въ аллегорію или не отзывалась диссертаціей... Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества, она для меня *тѣмъ не менѣе* интересна... Разумѣется, если повѣсть возбуждаетъ вопросы и производитъ нравственное впечатлѣнье на общество при высокой художественности—тѣмъ она для меня лучше; но главное-то у меня все-таки въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ. Будь повѣсть хоть расхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла—то я къ ней совершенно равнодушенъ: *я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея и жалѣю, и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней*». Итакъ, нисколько не желая умалить значенія художественности въ творчествѣ, Бѣлинскій признавался только, что эта сторона искусства его въ данное время мало интересовала; онъ не отрицалъ въ другихъ возможности такого интереса, не сердился на нихъ и не враждовалъ съ ними, а *жалѣлъ* ихъ, потому что ему казалось, что эти эстетики не пони-

мають, въ чемъ заключается самая насущная потребность переживаемой минуты. Бѣлинскій зналъ не хуже другихъ, что красота, какъ таковая, имѣетъ свое воспитательное и нравственное вліяніе на человѣка; но онъ думалъ въ то же время, что не въ такомъ медленномъ, тихомъ и нѣжномъ вліяніи нуждается теперь общество. При томъ антикультурномъ и антигуманномъ состояніи, въ какомъ оно находилось, ему нужно, чтобы истина была ему сказана прямо въ глаза, и притомъ очень рѣзко и даже грубо. Эта истина становилась теперь для Бѣлинскаго дороже той формы, въ какую она облекалась; и критикъ чувствовалъ, что онъ односторонненъ, но онъ понималъ, что такая односторонность и въ немъ, и во многихъ другихъ есть историческая необходимость. Онъ считалъ себя нравственно правымъ и не боялся, вопреки своимъ прежнимъ взглядамъ, высказывать съ вызывающей откровенностью свои новыя убѣжденія.

Онъ требовалъ отъ искусства прежде всего «дѣльныхъ» чувствъ и взглядовъ; онъ хотѣлъ, чтобы оно вѣрно и точно изображало дѣйствительность; малѣйшее искаженіе этой дѣйствительности, въ особенности въ сторону идеализаціи, онъ считалъ грѣхомъ не столько противъ художественности, сколько противъ самой жизни; онъ преслѣдовалъ фантастическое и аллегорическое въ искусствѣ, какъ вредные элементы, мѣшающіе человѣку вѣрно судить о дѣйствительности. Но не только точнаго воспроизведенія этой дѣйствительности требовалъ онъ отъ художника; онъ желалъ, чтобъ въ его творчествѣ была «гуманная субъективность», та самая, которая ему раньше такъ не нравилась. Безстрастность писателя въ изображеніи жизни была теперь въ его глазахъ доказательствомъ малой воспріимчивости и чуткости. Талантъ, который «долженъ быть добродѣтелью», не могъ безстрастно слѣдить за судьбой своихъ идеаловъ: писатель долженъ былъ за нихъ бороться, чувство «общественности» должно было громче другихъ чувствъ говорить въ его сердцѣ; онъ долженъ былъ, наконецъ, торопиться со своимъ великимъ дѣломъ нравственнаго воздѣйствія на общество, такъ какъ это общество, именно русское общество, нуждалось въ самой скорой помощи. Писатель поэтому могъ быть не особенно требователенъ къ себѣ, какъ къ художнику, могъ жертвовать формой ради содержанія. Только геніи способны сочетать въ одинаково совершенной степени и то и другое, но геніи родятся рѣдко; возлагать на нихъ всю надежду нельзя; безполезно также гнаться за ихъ совершенствомъ; надо утилизировать свой хотя бы скромный талантъ въ интересахъ общей пользы.

Роль такого скромнаго таланта, какъ думалъ Бѣлинскій, въ настоящую минуту одна изъ самыхъ важныхъ ролей въ обществѣ; не нужно быть геніемъ, чтобы умѣть вѣрно изображать дѣйствительность, а чѣмъ больше появится такихъ изображеній, тѣмъ съ большимъ сознаніемъ отнесется общество къ своей жизни. «Беллетристика», какъ Бѣлинскій окрестилъ эту «дѣльную» литературу, и такъ называемые «физіологическіе очерки», вѣрно и точно рисующіе быть самыхъ разнообразныхъ классовъ общества,— теперь самыя желанныя новинки. Они сближаютъ литературу съ жизнью, они способствуютъ установленію солидарности между лицами разныхъ сословій, разнаго воспитанія и традицій. Однимъ словомъ, при той вялости общественной жизни, отъ которой мы такъ страдаемъ, при томъ невѣдѣніи, въ какомъ мы находимся относительно массы людей, живущихъ рядомъ съ нами, эта «беллетристика»—незамѣнимое средство для возбужденія въ насъ общественнаго интереса. Конечно, наиболѣе благотворнаго результата достигаетъ такая беллетристика тогда, когда она, помимо своей правдивости, еще гуманна, когда въ ней есть сердечное отношеніе къ той жизни, которую она описываетъ, другими словами, когда писатель въ одно и то же время—и писатель, и гражданинъ. Бѣлинскій требуетъ отъ всѣхъ, кто взялъ перо въ руки, такого же совѣстливаго, строгаго и гуманнаго отношенія къ своей культурной задачѣ, какое было у него самого.

Къ счастію для нашего критика, онъ имѣлъ возможность встрѣтить среди писателей того времени не мало людей, которые удовлетворяли этимъ высокимъ требованіямъ и которые, кромѣ того, были одарены не простымъ беллетристическимъ талантомъ, а настоящей геніальностью. Выясненіе общественнаго значенія ихъ творчества Бѣлинскій и поставилъ цѣлью своей критической работы въ Петербургѣ. «Отечественныя Записки» (1839—1847) и «Современникъ» (1847—1848) получили, благодаря этой работѣ, совсѣмъ опредѣленную литературную физіономію, которая рѣзко отличала ихъ отъ всѣхъ журналовъ того времени. Они стали «передовыми журналами», либеральными органами печати, проводниками тѣхъ гуманныхъ идей, которыя, такъ сильно волновали тогда европейское общество; воспитаніе умственно и нравственно свободной интеллигентной личности и духовная и матерьяльная эмансипація темной массы—вотъ тѣ главныя соціальныя задачи, выясненію которыхъ оба журнала посвятили свои критическіе отдѣлы. Въ этомъ смыслѣ эти журналы были «западническіе», т.-е. они стремились привить русскому читателю общечеловѣческія и всѣмъ обязательныя понятія и воззрѣнія, которыя были глубоко поняты и такъ ясно формулированы на западѣ.

Бѣлинскій, на рукахъ котораго находился критическій отдѣлъ сначала «Отечественныхъ Записокъ», а затѣмъ «Современника», долженъ былъ проводить эти идеи, пользуясь почти исключительно тѣмъ матерьяломъ, который ему давала русская литература. Недостатка въ немъ не было. Сороковые годы—одна изъ самыхъ плодотворныхъ эпохъ въ исторіи русскаго художественнаго творчества. Это—эпоха Гоголя и его учениковъ, которымъ русскій романъ обязанъ своей славой и у насъ, и за границей, это—эпоха Кольцова, Лермонтова и молодаго Некрасова.

XIV. Творчество Гоголя, о которомъ Бѣлинскій говорилъ такъ часто и много въ Москвѣ, продолжало быть его излюбленной темой и въ Петербургѣ. Въ Москвѣ онъ цѣнилъ въ Гоголѣ больше всего художника, который «убилъ романтизмъ» житейской правдивостью своей фантазіи. Теперь Гоголь для него не только поэтъ, но главнымъ образомъ бытописатель. Его творчество — художественное воплощеніе русской жизни, историческій документъ, по которому можно судить о культурности русскаго общества. Онъ—авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», этой геніальной поэмы, въ которой бытъ дворянства, чиновничества и крестьянства изображенъ съ такой безпощадной правдой. Тотъ, кто прочтетъ эту поэму, больше не повѣритъ никакой идеализаціи, тотъ застрахованъ навсегда отъ опасности оправдать дѣйствительность, которую вокругъ себя видитъ. Бѣлинскій охотно прощаетъ Гоголю односторонность нарисованной имъ картины; онъ ее впрочемъ и не считаетъ односторонней,—не потому, что онъ убѣжденъ, что исключительно Хлестаковы, Чичиковы, Собакевичи или Ноздревы населяютъ Россію, а потому что въ этихъ лицахъ онъ видитъ разновидности господствующаго въ Россіи типа,—того типа некультурнаго человѣка, который попадается въ разныхъ слояхъ нашего общества гораздо чаще и въ большемъ количествѣ, чѣмъ типъ ему противоположнаго, нравственно и умственно развитого человѣка.

Творчество Гоголя служило такимъ образомъ наилучшимъ поясненіемъ мыслей Бѣлинскаго. Дѣйствительно, трудно было найти болѣе богатую галлерею всевозможныхъ нравственныхъ и умственныхъ уродовъ, чѣмъ та, которая дана была въ «Мертвыхъ Душахъ». Она производила удручающее впечатлѣніе, и самъ авторъ, и критикъ одинаково чувствовали необходимость чѣмъ-нибудь смягчить эту мрачную картину. Гоголь смягчилъ ее, какъ извѣстно, такъ называемыми «лирическими вставками», и Бѣлинскому, на первыхъ порахъ, эти вставки понравились. Но скоро онъ измѣнилъ о нихъ свое мнѣніе.

Въ «лирическихъ мѣстахъ» своей поэмы Гоголь говорилъ съ восторженнымъ паѳосомъ о великомъ призваніи Россіи. Утѣшая своихъ читателей, авторъ хотѣлъ увѣрить ихъ, что въ странѣ, которая производитъ Чичиковыхъ и всѣхъ его добрыхъ знакомыхъ, кроются тѣмъ не менѣе богатыя духовныя силы. Бѣлинскій раздѣлялъ эту мысль; онъ самъ любилъ часто говорить о той культурной роли, которая выпадаетъ на долю нашей родинѣ въ будущемъ. Но онъ всегда думалъ, что къ этой роли ей должно долго и очень долго готовиться. Современное ея положеніе онъ осуждалъ; онъ видѣлъ, какая масса людей была совсѣмъ лишена всякой духовной самостоятельности, и какъ невысокъ былъ духовный уровень даже тѣхъ лицъ, которыя возвышались надъ этой массой. Онъ требовалъ отъ русскаго человѣка прежде всего сознанія своихъ недостатковъ, а потомъ уже мечтаній о своемъ грядущемъ великомъ призваніи. Когда же онъ увидѣлъ, что лирическій паѳосъ Гоголя могъ быть многими истолкованъ (и дѣйствительно толковался), какъ прославленіе наличныхъ, уже существующихъ русскихъ доблестей и преимуществъ русскаго народа надъ другими,—Бѣлинскій испугался и разсердился: онъ сталъ опасаться, какъ бы тотъ писатель, который убилъ всякую идеализацію жизни, теперь вновь не пріучилъ читателя къ этому искаженному взгляду на дѣйствительность. Опасенія Бѣлинскаго были справедливы, тѣмъ болѣе, что самъ Гоголь обѣщалъ во второй части «Мертвыхъ Душъ» дать цѣлый рядъ идеальныхъ русскихъ типовъ, которые должны доказать, что нашъ народъ — избранный народъ Божій. Этой второй части своей поэмы Гоголь при жизни Бѣлинскаго не напечаталъ, но въ 1847 г. вышли его «Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», которыя должны были служить введеніемъ къ задуманному продолженію его поэмы. Всѣ опасенія Бѣлинскаго оправдались. Гоголь отрекался отъ всего, что имъ было раньше написано, и проповѣдывалъ какой-то религіозно-патріархальный взглядъ на русскую дѣйствительность, — взглядъ, очень близко граничившій съ полнымъ ея оправданіемъ. Для Бѣлинскаго такая точка зрѣнія не была новостью: онъ самъ ее пережилъ и отвергъ, и потому хладнокровно не могъ съ ней встрѣчаться. Когда въ «Перепискѣ» Гоголя онъ прочелъ, что мужику образованіе не нужно, когда онъ увидалъ, что Гоголь оправдываетъ крѣпостное состояніе и только совѣтуетъ помѣщику не бить мужика,—онъ понялъ, что Гоголь пересталъ быть его союзникомъ. Любя въ Гоголѣ прежняго сатирика, Бѣлинскій долженъ былъ теперь не только защищать его отъ тѣхъ враговъ, которыхъ у Гоголя всегда было такъ много, но защищать его

отъ него самого, отъ самоистязанія, которое художникъ производилъ надъ своимъ талантомъ. Чѣмъ больше Бѣлинскій довѣрялъ Гоголю, чѣмъ выше онъ ставилъ его слово, тѣмъ сильнѣе и глубже былъ тотъ гнѣвъ, который въ немъ вызвала эта «Переписка». Этотъ гнѣвъ былъ потому еще такъ силенъ, что цензурныя условія того времени не позволяли Бѣлинскому высказать всего, что онъ думалъ. Бѣлинскій выждалъ время и за границей написалъ Гоголю свое знаменитое письмо—лучшее, что когда-либо Бѣлинскимъ было писано. Если это письмо слишкомъ рѣзко, если оно не достаточно щадитъ Гоголя, какъ человѣка, и не вполнѣ отдаетъ должное искренности мотивовъ, которые заставили Гоголя опубликовать свою переписку, то такая суровость Бѣлинскаго болѣе чѣмъ понятна. Поэзія Гоголя была для него высшимъ откровеніемъ русскаго творчества, лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ за гуманные общественные идеалы, и поэтому, когда Гоголь отрекся отъ своихъ словъ, Бѣлинскій сталъ ему мстить, какъ мстятъ за поруганіе святыни. Онъ не принялъ въ расчетъ ни тяжелаго психическаго состоянія Гоголя (которое впрочемъ могло быть ему и неизвѣстно), ни искреннихъ побужденій, которыя заставили Гоголя написать свою книгу: онъ увидалъ въ ней только проповѣдь застоя, нападки на свободное развитіе личности, на необходимость поднять духовный уровень массы,—и этого было для него достаточно, чтобы въ Гоголѣ признать врага. Но это признаніе стоило Бѣлинскому дорого: онъ хоронилъ съ Гоголемъ часть своего сердца.

Къ Лермонтову симпатіи Бѣлинскаго возрастали съ каждымъ годомъ. Въ Москвѣ онъ его не любилъ, но всегда ему удивлялся; теперь эта мятежная поэзія, вѣчно ссорившаяся съ жизнью, пріобрѣтала въ глазахъ нашего критика совсѣмъ особый смыслъ. Никто изъ русскихъ писателей того времени не выражалъ съ такой страстностью и силой борьбы личности за свое независимое положеніе, за свои права на свободу чувствъ и мыслей, какъ именно Лермонтовъ. Если въ его поэзіи и было не мало юношескаго задора, а также извѣстной сословной спеси, то все-таки основная ея тенденція была очень серьезна. Поэтъ рано переросъ ту среду, въ которой выросъ, и сталъ во враждебное отношеніе къ условіямъ той общественной жизни, которая его окружала. Его идеалы, правда, были очень неопредѣленны: отрицая и разрушая, онъ самъ не зналъ, что поставить на мѣсто разрушеннаго; но въ немъ жило это вѣчное стремленіе, которое не даетъ застаиваться мыслямъ и чувствамъ, и за эти тревожные порывы борющагося духа его любилъ и цѣнилъ теперь Бѣлинскій. Лермонтовъ былъ для него прямымъ наслѣдникомъ Пушкина, онъ казался ему даже «умнѣе» Пушкина; и критикъ находилъ въ его поэзіи больше «содержанія». Если мы вспомнимъ, что подъ словами «дѣло» и «содержаніе» Бѣлинскій разумѣлъ тогда отзывчивость поэта на современные общественные вопросы, то мы поймемъ, что, нисколько не унижая Пушкина, критикъ отдавалъ только поэзіи Лермонтова предпочтеніе за современность ея мотивовъ.

Лермонтовъ, при всей неустойчивости его взглядовъ, былъ олицетвореніемъ протеста,—не того мечтательнаго романтическаго душевнаго разлада, надъ которымъ Бѣлинскій теперь смѣялся, а очень мужественнаго протеста, въ которомъ чувствовалась большая умственная и нравственная сила, рвущаяся на свободу. Бѣлинскій признавалъ въ Лермонтовѣ родственную себѣ душу: онъ видѣлъ въ немъ образецъ той самостоятельной и свободной во мнѣніяхъ и чувствахъ личности, отъ которой ожидалъ такого благотворнаго вліянія на застоявшееся общество.

Поэзія Кольцова произвела также большое впечатлѣніе на Бѣлинскаго еще въ Москвѣ, когда Кольцовъ только что выступалъ со своими первыми стихотвореніями. Кружокъ Станкевича былъ тогда въ восторгѣ отъ его пѣсенъ, въ которыхъ видѣлъ удивительную неподражаемую оригинальность и самобытность. Бѣлинскому Кольцовъ былъ дорогъ, кромѣ того, какъ человѣкъ: ихъ связывала очень тѣсная дружба, въ которой критику, конечно, принадлежала роль руководителя. Кольцовъ нуждался въ духовной поддержкѣ, и Бѣлинскій былъ единственный человѣкъ, который сумѣлъ оказать ее, не давъ почувствовать въ то же время своего превосходства... Въ дружбѣ этихъ двухъ лицъ, столь различныхъ по темпераменту, уму и развитію, было много трогательнаго; это было духовное братство интеллигентнаго человѣка съ человѣкомъ, вышедшимъ изъ сѣрой массы, изъ некультурнаго слоя общества и проложившемъ себѣ самостоятельно дорогу изъ мрака къ свѣту. Это былъ именно тотъ союзъ, о которомъ въ теоріи такъ мечталъ Бѣлинскій. Кольцовъ и его поэзія были для Бѣлинскаго наглядным подтвержденіемъ надеждъ, которыя онъ возлагалъ на простого человѣка. Онъ увидалъ, на что этотъ человѣкъ способенъ, если онъ поставленъ въ болѣе благопріятныя условія жизни; онъ могъ убѣдиться также, какіе таланты скрываются иногда въ этой сѣрой толпѣ, и какъ много ихъ, вѣроятно, погибаетъ, не имѣя возможности заявить о своемъ существованіи.

Поэзія Кольцова имѣла такимъ образомъ для Бѣлинскаго не только художественную стоимость: Бѣлинскій могъ увидать въ ней

историческій документъ, подтверждающій правоту его взглядовъ на насущныя потребности его времени; на нее онъ могъ указать, когда рѣчь заходила о духовной силѣ, таящейся въ народной массѣ, о необходимости предоставить этой силѣ средства къ свободному и правильному развитію.

Взгляды Бѣлинскаго на народную массу и на то отношеніе, въ которое къ ней должны стать люди интеллигентные, вообще крайне любопытны. Въ Москвѣ этотъ вопросъ его интересовалъ мало. Бѣлинскій говорилъ о немъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; онъ признавалъ въ русскомъ народѣ большую умственную силу, большую нравственную стойкость и выдержку, говорилъ часто о великой его будущности, объ его культурномъ призваніи, но всякій разъ подъ словомъ «народъ» онъ разумѣлъ не народную массу въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а вообще всю національную группу со всѣми ея сословіями. Теоретикъ по преимуществу и мало тогда еще знакомый съ бытомъ низшихъ классовъ, онъ былъ убѣжденнымъ поклонникомъ культурности, самой высшей культурности, и мѣрилъ народную жизнь и психологію этой очень высокой мѣркой.

Народная жизнь отталкивала Бѣлинскаго своей грубостью, примитивностью своихъ понятій и своей инертностью. Его сердечныя симпатіи были всегда на сторонѣ народной массы; какъ гуманистъ, онъ никогда не забывалъ нравственной связи, которая должна существовать между нимъ и народомъ, но онъ не былъ увлеченъ имъ или влюбленъ въ него; въ народныхъ чувствахъ и міросозерцаніи онъ не искалъ никакихъ указаній для себя. Человѣкъ культурный въ полномъ смыслѣ слова, поклонникъ западной цивилизаціи, поклонникъ свободной личности, онъ считалъ народную массу еще совсѣмъ невспаханной нивой, которая ждетъ своего пахаря и сѣмянъ, которыя тотъ на нее броситъ. То, что на этой нивѣ произрастало самобытно, было въ глазахъ Бѣлинскаго лишь самымъ несовершеннымъ плодомъ, требующимъ для своей зрѣлости большихъ заботъ и ухода. Вотъ почему нашъ критикъ такъ мало интересовался произведеніями народной словесности, за которой не хотѣлъ признать даже поэтическихъ красотъ, не только глубины содержанія или чувства. Вотъ почему онъ такъ индифферентно, даже враждебно отнесся къ малороссійской литературѣ. Вотъ почему, наконецъ, онъ въ изящной словесности не любилъ встрѣчаться со сценами изъ народнаго быта, нарисованными слишкомъ реально и грубо, безъ достаточнаго критическаго отношенія къ этой грубости. Ему казалось, что такое увлеченіе народомъ, искажая въ обществѣ строгій взглядъ на народную некультурность, можетъ только принести вредъ. Если искать причину крайности такихъ взглядовъ Бѣлинскаго, то она кроется въ недостаткѣ его свѣдѣній о внѣшней и внутренней сторонѣ жизни низшихъ классовъ. Дѣйствительно, онъ съ этими классами почти не приходилъ въ непосредственное столкновеніе. Онъ могъ изучать ихъ жизнь только по книгѣ, а много ли было тогда такихъ книгъ, которыя освѣтили бы русскому читателю эту сторону его жизни? Романовъ и повѣстей, искажающихъ правду жизни въ угоду идеализаціи, было не мало, но Бѣлинскій чувствовалъ фальшь такихъ произведеній. На нихъ онъ не могъ опираться въ своихъ сужденіяхъ о тѣхъ духовныхъ силахъ, какими располагала темная масса. Самъ онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сознавалъ неотложную необходимость народнаго просвѣщенія и воспитанія: этотъ вопросъ его тревожилъ и мучилъ; и онъ боялся поэтому, какъ бы русское общество не пріучилось цѣнить слишкомъ высоко народный умъ и народную нравственность и не успокоилось бы на сознаніи, что все обстоитъ благополучно и все само собою сдѣлается. Такое опасеніе было основательно: одна часть русской интеллигенціи была дѣйствительно готова преувеличить добродѣтели народа на счетъ его недостатковъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній зарожденіе и быстрый расцвѣтъ «натуральной» школы въ русской литературѣ были встрѣчены Бѣлинскимъ съ большими надеждами. Онъ увидалъ въ произведеніяхъ этой школы истинное правдивое отраженіе жизни и именно тѣхъ ея сторонъ, которыя всего больше нуждались въ освѣщеніи. Гоголь говорилъ лишь изрѣдка и бѣгло о бытѣ низшихъ классовъ: его ученики продолжали теперь его дѣло и съ первыхъ же шаговъ завоевали для русской литературы новую область. Бѣлинскій привѣтствовалъ ихъ словами живѣйшаго участія и одобренія. Вѣрный своему взгляду на искусство, какъ на проводника общественныхъ идей, онъ обратилъ теперь все свое вниманіе на гуманный смыслъ этихъ новыхъ художественныхъ памятниковъ, которыми такъ быстро начала обогащаться отечественная словесность.

Публицистическіе очерки Герцена, появившіеся почти одновременно съ первыми произведеніями «натуральной школы», служили ей блестящей прелюдіей. Въ романѣ «Кто виноватъ», въ повѣсти «Сорока воровка» и въ «Запискахъ молодого человѣка» было, можетъ быть, мало фантазіи и творчества, но зато много наблюдательности и критическаго отношенія къ дѣйствительности. Это были первые очерки изъ помѣщичьей жизни, въ которыхъ краски распредѣлялись довольно равномѣрно и гуманная тенденція авто-

ра ясно выступала наружу. О ней не нужно было догадываться: она сама бросалась въ глаза. Повѣсти Герцена были въ сущности защитительными рѣчами въ пользу униженныхъ и оскорбленныхъ; они были той настоящей беллетристикой, которая, не претендуя на художественность, желала быть прежде всего проводникомъ извѣстныхъ нравственныхъ понятій, и для Бѣлинскаго они были очень важной точкой опоры.

Такую же поддержку своимъ взглядамъ нашелъ нашъ критикъ и въ повѣстяхъ Тургенева, Достоевскаго и Григоровича. Еще до выхода въ свѣтъ «Записокъ охотника» Бѣлинскій обратилъ вниманіе на юношескіе стихи Тургенева. Онъ похвалилъ его тогда за выборъ «современной» темы и за ея выполненіе. Теперь, въ «Запискахъ охотника» передъ нимъ былъ уже не начинающій авторъ, а вполнѣ созрѣвшій талантъ. Передъ нимъ были очерки, въ которыхъ самъ народъ бралъ на себя свою защиту, безъ посредника говорилъ о своемъ бытѣ и дѣлился своимъ міросозерцаніемъ и своими чувствами съ интеллигентнымъ обществомъ. Такой же характеръ откровенной исповѣди носили и первыя повѣсти Григоровича: и въ нихъ авторъ какъ будто исчезалъ, чтобы уступить свое мѣсто тому мужику, жизнь котораго онъ изображалъ съ такой тщательной вѣрностью въ деталяхъ. Бѣлинскій былъ въ восторгѣ отъ этихъ повѣстей, но изъ всѣхъ произведеній новаго литературнаго теченія онъ былъ больше всего тронутъ повѣстью Достоевскаго «Бѣдные люди». Теперь за этой повѣстью сохраняется только историческій интересъ, но совсѣмъ иное значеніе имѣла она въ тѣ годы, когда появилась. Рѣдкое литературное произведеніе пользовалось такимъ громкимъ успѣхомъ, и, конечно, не его художественныя красоты такъ увлекли и критику, и общество. Бѣлинскій былъ вполнѣ правъ, когда, руководясь только этимъ первымъ опытомъ начинающаго писателя, призналъ «гуманность» за отличительную черту таланта Достоевскаго. Онъ угадалъ въ немъ будущаго великаго моралиста и правильно понялъ его первую повѣсть, какъ голосъ совѣсти и оскорбленнаго человѣческаго достоинства.

Итакъ натуральная школа начала исполнять въ Россіи ту самую роль, какую на западѣ игралъ соціальный романъ и либеральная публицистика. Конечно, эта школа не могла такъ смѣло ставить вопросы, какъ они были поставлены у нашихъ сосѣдей; но этотъ недостатокъ и восполняла критика Бѣлинскаго, которая въ этихъ повѣстяхъ, очеркахъ и романахъ старалась выискать господствующую соціальную идею и оттѣнить ее удачной характеристикой главныхъ типовъ или умѣлымъ подборомъ характерныхъ цитатъ изъ того или другого произведенія.

Для самого Бѣлинскаго творчество этихъ молодыхъ талантовъ было не только предлогомъ къ болѣе полному и наглядному выраженію его собственныхъ мыслей. Онъ самъ могъ почерпнуть не мало свѣдѣній изъ этихъ памятниковъ словесности, которыя въ то же время были историческими памятниками русской жизни. Они ему открывали новые горизонты, хотя бы, напр., въ вопросѣ о міровоззрѣніи и психическихъ движеніяхъ народной массы.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что бытовой матерьялъ, который Бѣлинскій нашелъ въ этихъ повѣстяхъ, только укрѣпилъ его въ правотѣ его взглядовъ на неотложныя нужды нашей народной жизни. Въ лицѣ молодой школы литература еще разъ и съ бо́льшей ясностью и настойчивостью говорила о томъ, какъ много некультурнаго элемента въ низшихъ слояхъ нашего общества; она указывала, какъ стѣснено умственное и нравственное развитіе народной массы, какъ глохнутъ и пропадаютъ ея силы, которыя при иныхъ условіяхъ могли бы найти себѣ широкое примѣненіе въ жизни. Всѣ эти мрачныя стороны народнаго быта молодая школа оттѣняла съ достаточной ясностью, но она не умалчивала и о хорошихъ и свѣтлыхъ. Она любила отдыхать на нихъ, она не идеализировала ихъ, а говорила о нихъ искренно и правдиво, и потому она должна была смягчить въ Бѣлинскомъ то недовѣрчивое чувство осторожности, съ которымъ онъ, какъ рьяный поклонникъ цивилизаціи, относился къ духовнымъ силамъ народа. Во взглядахъ Бѣлинскаго на этотъ предметъ произошла, дѣйствительно, перемѣна, и, конечно, и Герценъ, и Тургеневъ, и Григоровичъ имѣли свою долю участія въ ней. Бѣлинскій остался попрежнему поклонникомъ интеллигентной личности, какъ главной силы, которой мы обязаны нашимъ прогрессомъ, но въ его словахъ о народѣ прежняя непріятная брезгливая нота звучать перестала. Въ одной изъ самыхъ послѣднихъ своихъ статей, написанной за мѣсяцъ до смерти, Бѣлинскій очень откровенно высказался по этому вопросу. Онъ говорилъ:

«Что многочисленнѣйшій и низшій классъ въ государствѣ, обыкновенно называемый народомъ, въ противоположность обществу, подъ которымъ разумѣется среднее и высшее сословіе, есть хранитель сущности духа народной жизни, — это истина несомнѣнная. Народъ—сила охранительная, консервативная, и потому во всякой коренной реформѣ, касающейся всего государства, только то дѣйствительно, что́ проникнетъ и въ народъ... Своею инстинктивной преданностью преданію, обычаю, привычкѣ, народъ противится всякому движенію впередъ, всякому успѣху и мед-

ленно, съ упорствомъ, поддается натиску врывающихся къ нему сверху нововведеній... Мы не знаемъ доселѣ ни одного народа, котораго развитіе и ходъ впередъ не были бы основаны на раздѣленіи народной жизни на народъ и общество. Безъ этихъ высшихъ сословій, которымъ обезпеченное положеніе и присвоенныя права давали возможность обратить свою дѣятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы на первобытной степени ихъ патріархальнаго быта... Личность внѣ народа есть призракъ, но и народъ внѣ личности есть тоже призракъ; одно условливается другимъ. Народъ — почва, хранящая жизненные соки всякаго развитія; личность — цвѣтъ и плодъ этой жизни. Развитіе всегда и вездѣ совершалось черезъ личности, и потому-то исторія всякаго народа такъ похожа на рядъ біографій нѣсколькихъ лицъ... Люди, которые презираютъ народъ, видя въ немъ только невѣжественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно въ работѣ и голодѣ,—такіе люди теперь не стоятъ возраженій: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вмѣстѣ. Люди, которые смотрятъ на народъ человѣчнѣе, но думаютъ, что по причинѣ его невѣжества и необразованности, онъ не заслуживаетъ изученія и что, вовсе нечему учиться у него,— такіе люди, конечно, ошибаются, и съ ними мы готовы всегда спорить; но еще больше ихъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, что народъ нисколько не нуждается въ урокахъ образованныхъ классовъ, и что онъ можетъ отъ нихъ только портиться нравственно. Народъ — вѣчно ребенокъ; всегда несовершеннолѣтенъ. Это — сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слѣпая въ ея торжественныхъ проявленіяхъ. Это—море величественное и въ тишинѣ, и въ бурѣ, но никогда не зависящее отъ самого себя, никогда не управляющее само собою: вѣтеръ его повелитель».

Въ этихъ словахъ, которыя можно считать за окончательный итогъ всѣхъ взглядовъ Бѣлинскаго на отношеніе интеллигентной личности къ народной массѣ, ясно выражена общественная программа нашего критика. Поклонникъ цивилизаціи, въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова, ревностный ученикъ запада, но теперь уже не теоретикъ только, а практикъ, Бѣлинскій смотритъ на народную массу, какъ на необработанную почву, въ которой таится много силъ, не нашедшихъ пока еще должнаго употребленія. Чтобы эти силы могли быть съ пользой направлены на общее счастіе и благо, для этого нужно руководство просвѣщенной личности, стоящей въ своемъ развитіи и образованіи наравнѣ со своимъ гуманнымъ вѣкомъ; историческіе уроки запада не должны проходить даромъ для такой личности; не подражая рабски своему сосѣду, она должна оцѣнить и усвоить себѣ тѣ результаты общечеловѣческой культурности, которые куплены такимъ трудомъ другими націями, вышедшими на арену исторической жизни раньше нашей.

То, чего Бѣлинскій желалъ такъ пламенно для своей родины, сводилось, такимъ образомъ, во-первыхъ, къ воспитанію свободной и гуманной личности, которая могла бы служить посредникомъ между молодой Россіей и западомъ, превышавшимъ ее въ образованіи и общественной культурности, и, во-вторыхъ, къ упорной и неотложной работѣ надъ улучшеніемъ условій матеріальной и духовной жизни народа,—работѣ, направленной къ тому, чтобы способствовать сближенію народа съ интеллигентными классами и не позволить ему тратить всѣхъ своихъ силъ единственно на поддержаніе своей каждодневной жизни.

Такова была общественная программа, которая очень ярко выступала во всѣхъ статьяхъ Бѣлинскаго, написанныхъ имъ въ послѣдній періодъ его жизни. Она во многихъ людяхъ вызвала вражду и подозрѣніе. Когда эта вражда исходила изъ лагеря людей, не понимавшихъ Бѣлинскаго, лицъ, которыя вообще были далеки отъ всякой идеи и стояли только лишь за сохраненіе порядка, каковъ бы онъ ни былъ,—то съ такой враждой можно было примириться, какъ съ неизбѣжностью. Но были и люди идеи, которые никакъ не могли столковаться съ Бѣлинскимъ и также считали всю его дѣятельность вредной для родины. Это были представители такъ называемой славянофильской партіи. Бороба съ ними стоила Бѣлинскому много крови и желчи. Это была междоусобная война двухъ партій, передъ лицомъ общаго для нихъ врага, который только выигрывалъ отъ ихъ ссоры. Вмѣсто того, чтобы соединить свои силы, противники тратили ихъ. Но было ли тогда такое соединеніе возможно?

XV. Бѣлинскому часто ставили въ вину ту несправедливую будто бы горячность, съ какой онъ нападалъ на славянофиловъ; его обвиняли въ непониманіи этихъ людей, въ желаніи преувеличить недостатки ихъ взглядовъ, въ умышленномъ искаженіи ихъ словъ. Дѣйствительно, рѣдко въ какомъ спорѣ Бѣлинскій обнаружилъ такую рѣзкость, какъ въ этой полемикѣ съ московской партіей. Но такая рѣзкость вполнѣ понятна, если принять во вниманіе, что споръ касался именно самыхъ существенныхъ взглядовъ и убѣжденій Бѣлинскаго, и что, кромѣ того, это было не теоретическое состязаніе, но споръ о практической программѣ, которой надлежало держаться въ жизни. Противники спорили не

объ историко-философскихъ формулахъ, которыя въ ихъ разговорахъ, повидимому, играли такую видную роль, а, на самомъ дѣлѣ, о томъ, въ какое положеніе русскому интеллигентному человѣку надлежитъ стать, во-первыхъ, къ западной культурѣ, и затѣмъ къ русскому народу. Вопросъ былъ поставленъ очень прямо и рѣшенъ категорично и съ той и съ другой стороны. Рѣшенія получились столь различныя, что объ ихъ согласованіи, на первыхъ порахъ, не могло быть и рѣчи. Согласовать ихъ могла только сама жизнь, сама исторія, которая должна была показать на практикѣ, что въ каждомъ изъ ученій было истиннаго, что произвольнаго. Въ первое время, когда споръ только что разгорался, онъ долженъ былъ принять тотъ обостренный, нерѣдко злобный характеръ, который онъ принялъ. Обѣ партіи слѣпо вѣрили въ правоту своихъ взглядовъ, и каждая изъ нихъ разсчитывала, что жизнь оправдаетъ ея теоретическія выкладки. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было одинаково сильное, и если можетъ показаться, что слова Бѣлинскаго были болѣе задорны и болѣе необузданы, чѣмъ слова его противниковъ, то въ этомъ виновата вообще талантливость и энергичность рѣчи нашего критика, ея образность, остроуміе, ея неподдѣльный паѳосъ, т.-е. всѣ тѣ качества, которыми рѣчь главныхъ вождей славянофильской партіи того времени вообще не блистала.

Если Бѣлинскій въ своей полемикѣ часто прибѣгалъ къ насмѣшкѣ и къ издѣвательству, если онъ, какъ утверждали его враги, увеличивалъ и искажалъ мнѣнія своихъ противниковъ, чтобы надъ ними потѣшиться, то все это съ его стороны не было вовсе умышленнымъ пріемомъ. Бѣлинскій не избѣгалъ серьезнаго спора: онъ былъ вынужденъ придавать своей полемикѣ такую съ виду легкую форму, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ тогдашняя рѣчь славянофиловъ и не допускала иныхъ возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, когда славянофилы нападали на Бѣлинскаго, они имѣли передъ собой рядъ очень ясно и точно формулированныхъ положеній. Если Бѣлинскій и принужденъ былъ умалчивать о нѣкоторыхъ выводахъ, которые вытекали изъ его словъ, то все таки догадаться объ этихъ выводахъ было не трудно. Его историко-философскіе и общественные взгляды, въ особенности подъ конецъ его жизни, отличались необычайной простотой и ясностью. Съ ними можно было считаться по существу. Но по отношенію къ славянофиламъ Бѣлинскій находился въ совсѣмъ иномъ положеніи. Въ сороковыхъ годахъ основные взгляды славянофиловъ находились еще въ зачаточномъ состояніи; они не были сведены въ одну систему: они вырабатывались въ частныхъ бесѣдахъ между членами партіи и проникали въ печать не въ видѣ связно изложенной доктрины, а въ видѣ лирическихъ изліяній или разсужденій, основныя положенія которыхъ предполагались доказанными или не требующими доказательствъ. Бѣлинскій неоднократно жаловался на такую туманность и неясность славянофильской рѣчи: ему въ особенности было досадно, что положительная сторона этого ученія оставалась недостаточно выясненной: онъ могъ знать, съ чѣмъ славянофилы были не согласны, но во что они вѣрили и на чемъ эта вѣра была построена, изъ какихъ основныхъ философскихъ положеній она вытекала,—объ этомъ ему было трудно догадаться. Серьезный споръ былъ при такихъ условіяхъ немыслимъ. Противникамъ всегда могло казаться, что Бѣлинскій возражалъ имъ не по существу; но они забывали, что имъ самимъ была пока еще недостаточно ясна сущность ихъ ученія. Дѣйствительно, въ 40-хъ годахъ никто изъ главныхъ вождей славянофильства не успѣлъ сказать своего рѣшающаго слова.

Хомяковъ былъ извѣстенъ Бѣлинскому, какъ авторъ многихъ звонкихъ, а иногда и незвонкихъ стихотвореній, въ которыхъ паѳосъ замѣнялъ истинное вдохновеніе; какъ авторъ двухъ драмъ изъ русской исторической жизни («Ермака» и «Дмитрія Самозванца»), никакими особенными достоинствами не блиставшихъ, и, наконецъ, какъ публицистъ, написавшій двѣ статьи о взаимномъ отношеніи Россіи и Европы. Эти статьи были очень характерны, какъ введеніе къ славянофильскому міросозерцанію, но никакъ не могли назваться его изложеніемъ. Позднѣйшаго Хомякова—богослова и философа исторіи—Бѣлинскій не зналъ; онъ не имѣлъ даже возможности слышать Хомякова въ частной бесѣдѣ, а именно въ такихъ бесѣдахъ обнаруживались тогда всѣ блестящія стороны и вся глубина мысли Хомякова.

Съ другимъ вождемъ партіи, человѣкомъ сильнаго ума и большого таланта, съ И. В. Кирѣевскимъ, Бѣлинскій былъ знакомъ также лишь по двумъ, тремъ статьямъ, которыя Кирѣевскій напечаталъ съ 1829 года. Бѣлинскій цѣнилъ въ немъ одного изъ первыхъ обозрѣвателей русской литературы, вспоминалъ съ уваженіемъ объ его издательской дѣятельности въ эпоху «Европейца», могъ любить въ немъ стараго ученика Шеллинга, но о той перемѣнѣ, которая въ 40-хъ годахъ произошла во взглядахъ Кирѣевскаго, онъ зналъ только по наслышкѣ. Кирѣевскій-славянофилъ сталъ извѣстенъ русскому обществу лишь въ началѣ 50-тыхъ годовъ, когда появилась его знаменитая статья о «Характерѣ просвѣщенія Европы». Бѣлинскій до появленія этой статьи не дожилъ.

Своего товарища по университету, Константина Аксакова, Бѣлинскій зналъ близко въ

годы ихъ студенчества. Затѣмъ они разошлись, и въ 40-хъ годахъ очень враждебно полемизировали. Аксакову также пришлось высказаться очень поздно, и Бѣлинскій, когда съ нимъ спорилъ, имѣлъ предъ собою не историка и филолога, какимъ сталъ Аксаковъ позднѣе, а литературнаго критика и притомъ не вполнѣ удачнаго. Извѣстная брошюра о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя была единственной славянофильской статьей К. Аксакова, и, конечно, судить по ней о силахъ Аксакова было невозможно.

Единственный изъ славянофиловъ, который высказался раньше другихъ, былъ Юрій Самаринъ. Его статью «О мнѣніяхъ «Современника» можно считать первой попыткой систематическаго изложенія славянофильской доктрины, хотя и эта статья не догматическое разсужденіе, а полемическая брошюра. Но и ея было достаточно для Бѣлинскаго, чтобы перемѣнить тонъ своей рѣчи. Какъ только противникъ заговорилъ серьезно, сталъ серьезно отвѣчать и Бѣлинскій, въ чемъ можно убѣдиться по его статьѣ: «Отвѣтъ «Москвитянину».

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе всѣ указанныя обстоятельства, мы должны снять съ Бѣлинскаго упрекъ въ намѣренномъ небрежномъ и легкомысленномъ отношеніи къ противникамъ. Если онъ чаще язвилъ, острилъ и высмѣивалъ, чѣмъ спорилъ, то въ этомъ были виноваты сами славянофилы. На ихъ туманную патетическую рѣчь можно было отвѣчать либо такимъ же паѳосомъ, либо ироніей. Бѣлинскій избралъ второе средство тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя крайности въ словахъ и поведеніи его противниковъ дѣйствительно не заслуживали иного отношенія, кромѣ ироническаго.

Наконецъ, что касается рѣзкости выраженій и тѣхъ обвиненій въ дикости, некультурности, во враждѣ къ просвѣщенію, въ желаніи затемнить сознаніе въ людяхъ,— обвиненій, которыя дѣйствительно попадаются въ нѣкоторыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, направленныхъ противъ славянофиловъ, то это преувеличеніе славянофильскихъ недостатковъ со стороны Бѣлинскаго также не было умышленнымъ искаженіемъ спорныхъ пунктовъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ годы не всегда было возможно отдѣлить настоящихъ славянофиловъ отъ ихъ союзниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые могли назваться дѣйствительно ихъ друзьями, а другіе не имѣли съ ними ничего общаго.

Въ сороковыхъ годахъ въ кружкѣ славянофиловъ занимали очень видное мѣсто Шевыревъ и Погодинъ. Они были редакторами единственнаго славянофильскаго журнала, «Москвитянина», были большими друзьями дома Аксаковыхъ и въ первое время самыми громкими глашатаями «московскаго» ученія, любви ко всему славянскому и довольно беззастѣнчиваго патріотизма. Тотъ, кто не жилъ въ Москвѣ и не вращался въ славянофильскомъ кругѣ, могъ легко принять этихъ двухъ риторовъ за настоящихъ выразителей славянофильской доктрины. Люди безъ философской глубины мысли, безъ оригинальности въ своихъ взглядахъ, они были просто восторженными патріотами, хвалителями и апологетами status quo и нерѣдко врагами живой свободной мысли, врагами не изъ злостнаго намѣренія, а такъ, по ограниченности кругозора. Ихъ нельзя было смѣшивать съ настоящими славянофилами—съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Аксаковымъ или Самаринымъ, но въ сороковыхъ годахъ такая ошибка была вполнѣ возможна, тѣмъ болѣе, что Погодинъ и Шевыревъ пользовались у молодыхъ членовъ славянофильскаго кружка извѣстнымъ авторитетомъ,—правда не надолго.

Съ Шевыревымъ и Погодинымъ у Бѣлинскаго были старые счеты еще съ Москвы. Онъ не любилъ ихъ, какъ людей безъидейныхъ и довольно мелкихъ. Въ особенности не любилъ Бѣлинскій Шевырева, въ ученость котораго онъ не вѣрилъ, и въ литературныхъ вкусахъ котораго давно разочаровался. (См. памфлетъ Бѣлинскаго «Педантъ»). Понятно, что, нападая на славянофиловъ или отстрѣливаясь отъ нихъ, нашъ критикъ не могъ не вспомнить объ этихъ двухъ рьяныхъ патріотахъ: ихъ мысли и рѣчи представляли очень удобную мишень для его иронiи, сарказма и шутки.

Но особенно невыгодно было для славянофиловъ сосѣдство другого направленія, уже не московскаго, а петербургскаго, которое имѣло своимъ органомъ знаменитый журналъ «Маякъ». Это былъ журналъ, который прикрывалъ патріотическими чувствами и мыслями самую ретроградную тенденцію и самую отрачительную общественную программу. Славянофилы отъ этого журнала открещивались и были, конечно, правы; но опять-таки человѣку, не посвященному въ тайну ихъ ученія, не имѣвшему возможности познакомиться съ положительной стороной ихъ взглядовъ, легко могло показаться, что «Маякъ» дѣлалъ только выводы изъ славянофильскихъ посылокъ, тѣмъ болѣе, что у «Маяка» и у славянофиловъ былъ одинъ и тотъ же главный врагъ, а именно—западное просвѣщеніе. Бѣлинскій могъ совершенно искренно сказать, какъ онъ говорилъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей, что «Маякъ» былъ самымъ крайнимъ и самымъ послѣдовательнымъ органомъ славянофильства; что, вѣрный своему принципу, исходному пункту своего ученія, онъ никогда не противорѣчилъ ему и логически дошелъ до крайнихъ, до послѣднихъ своихъ результатовъ; что этимъ самымъ, онъ, разумѣется, оказалъ очень дурную услугу славянофильству, потому что выставилъ его на позорище свѣта

въ его *истинномъ, настоящемъ видѣ*». Бѣлинскій, думая такъ, безспорно ошибался, но если кто ввелъ его въ это заблужденіе, такъ только сами славянофилы недосказанностью своего ученія. «Когда же «Москвитянинъ» рѣшитъ намъ задачу о самобытномъ (чуждомъ западу) развитіи Руси?» спрашивалъ Бѣлинскій въ 1842 г. «Вотъ уже два года, какъ издается онъ, а, кромѣ фразъ и возгласовъ, ничего еще имъ не сказано. Правда, онъ ясно доказалъ свое незнаніе запада; но когда же, когда докажетъ онъ намъ свое знаніе Руси и того, что ей нужно для самобытнаго развитія?» И въ 1847 году Бѣлинскій повторялъ свой вопросъ: «Ни одинъ изъ славянофиловъ,—писалъ онъ,—до сихъ поръ не потрудился изложить основныхъ началъ своего ученія. Вмѣсто этого, у нихъ одни «намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто». Доселѣ ихъ образъ мыслей проглядываетъ только въ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ тѣмъ или другимъ литературнымъ произведеніямъ и лицамъ. Кромѣ того они безпрестанно противорѣчатъ самимъ себѣ, такъ что можно подумать, что у нихъ столько же мнѣній, сколько и лицъ. Можно указать на выходки, разбросанныя тамъ и сямъ противъ европеизма, цивилизаціи, необходимости образованія и грамотности для простого народа, противъ реформъ Петра Великаго, современныхъ нравовъ, какіе-то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назадъ и снова начать свое самобытное развитіе съ той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться съ народомъ, который будто бы сохранилъ въ чистотѣ древніе славянскіе нравы и нисколько не измѣнился въ продолженіе вѣковъ. Все это, можетъ быть, и заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, быть выслушаннымъ, но для этого сперва должно быть высказаннымъ».

Въ минуты болѣе добродушнаго отношенія къ своимъ противникамъ Бѣлинскій любилъ называть ихъ мечтателями-романтиками, новыми Донъ-Кихотами, влюбленными въ свою теорію, никому неизвѣстную Дульцинею, въ эту таинственную даму, которая существовала только въ мечтахъ ея обожателя. Славянофилъ напоминалъ Бѣлинскому прежняго романтика съ его неяснымъ стремленіемъ куда-то и съ его тяготѣніемъ къ чему-то весьма неопредѣленному.

Отказавшись отъ возможности уразумѣть положительную сторону славянофильской теоріи, Бѣлинскій въ своей полемикѣ возражалъ почти исключительно на ея отрицательную сторону. Онъ не могъ не возражать на нее, такъ какъ въ этомъ спорѣ онъ не столько опровергалъ славянофиловъ, сколько защищалъ самого себя: нападки славянофиловъ на западную цивилизацію и ихъ взгляды на самобытное развитіе Россіи били Бѣлинскаго по самому больному мѣсту. Московская доктрина шла въ разрѣзъ со всѣми его взглядами на роль личности и на ея обязанности въ отношеніи къ народной массѣ. Славянофилъ хотѣлъ видѣть въ жизни простого народа цѣлую сокровищницу чувствъ, мыслей и понятій, отъ которыхъ нельзя отступать подъ страхомъ искаженія самобытности развитія; онъ требовалъ иногда безусловнаго преклоненія передъ традиціей лишь въ силу того, что она традиція; онъ напиралъ на «смиреніе», какъ на одну изъ основныхъ чертъ русской національности; онъ хотѣлъ уберечь народную жизнь отъ притока нерусскихъ мыслей и понятій, оградить ее отъ иноземнаго вліянія, убѣжденный въ томъ, что она сама собой, своими силами, создастъ особую цивилизацію, которой другіе народы должны будутъ позавидовать. Во всѣхъ этихъ взглядахъ высказывалась прямая противоположность тому, что́ думалъ и во что вѣрилъ Бѣлинскій. Бѣлинскій признавалъ за русскимъ народомъ много хорошихъ сторонъ характера; онъ говорилъ объ его юныхъ и свѣжихъ силахъ и о великой будущности, которая его ожидаетъ; но обо всемъ этомъ онъ говорилъ условно, какъ о задаткахъ и надеждахъ, которымъ надлежитъ еще развиться и осуществиться. Пресловутаго «смиренія» Бѣлинскій опасался вполнѣ основательно; онъ полагалъ, что оно можетъ стать источникомъ и добродѣтели, и пороковъ въ одинаковой степени; наконецъ, что касается самобытной народной цивилизаціи, то Бѣлинскій считалъ такую цивилизацію вполнѣ законной и возможной, но слово «самобытность» не отождествлялъ со словомъ «изолированность» и думалъ, что всякая народная культура всегда живетъ на счетъ общечеловѣческой культуры, элементы которой она только самобытно въ себѣ претворяетъ.

Если не для всѣхъ, то для многихъ членовъ тогдашней славянофильской партіи эпоха преобразованій Петра была одной изъ самыхъ печальныхъ эпохъ нашей исторіи. Крутая ломка, которая произошла въ нашей жизни, была въ ихъ глазахъ насиліемъ, совершеннымъ надъ русскимъ духомъ. Личность преобразователя и его программа были имъ антипатичны: они въ Петрѣ не хотѣли признать коренного русскаго человѣка, отгадавшаго потребности своей эпохи и сумѣвшаго удовлетворить ихъ; они не хотѣли видѣть тѣсной связи, какая существовала между Петромъ и народомъ, изъ среды котораго онъ вышелъ. Взгляды Бѣлинскаго на эпоху преобразованій и на главнаго ея героя всегда были одни и тѣ же. Еще въ Москвѣ онъ былъ въ восторгѣ отъ Петра и восхвалялъ его умъ и энергію. Въ Петербургѣ эти симпатіи окрѣпли. Петръ былъ именно той личностью, тѣмъ сильнымъ умомъ и волей человѣкомъ, о которомъ мечталъ Бѣлинскій всякій разъ,

когда задумывался надъ средствомъ вывести русское общество изъ инертнаго и некультурнаго состоянія, въ какомъ оно находилось. Преклоненіе Бѣлинскаго передъ Петромъ не знало границъ: онъ готовъ былъ признать въ Петрѣ божество, требовалъ, чтобы ему воздвигли алтарь, и, конечно, онъ такъ превозносилъ Петра вовсе не съ заглаженнымъ желаніемъ кольнуть славянофиловъ, а по глубокому убѣжденію. Петръ былъ для Бѣлинскаго чисто русской натурой, не только не измѣнившей своей народности, а, наоборотъ, показавшей во всемъ блескѣ самыя лучшія стороны русскаго народнаго характера. Онъ былъ тотъ герой, котораго давно ждала страна, и который наконецъ пришелъ «исполнить законъ». Тотъ фактъ,—говорилъ Бѣлинскій,—что реформа Петра удалась и привилась, доказываетъ, что она была не насиліемъ, совершеннымъ надъ русской жизнью, а удовлетвореніемъ давно назрѣвшей потребности. Если Петръ былъ жестокъ и рубилъ съ плеча, если онъ такъ торопился со своимъ дѣломъ, то такая поспѣшность и рѣзкость объясняется исторической необходимостью; въ Россіи надо было начинать все вдругъ, надо было торопиться. Симпатіи Петра къ западной цивилизаціи были самымъ законнымъ увлеченіемъ съ его стороны. Если реформа и заставила насъ сначала подражать западу только во внѣшности, если она привила намъ прежде всего внѣшній лоскъ, то эти недостатки были неизбѣжны при тѣхъ условіяхъ, при какихъ совершалось наше сближеніе съ западомъ. Съ подражанія мы начинали, но лишь затѣмъ, чтобы кончить сознательнымъ усвоеніемъ и самостоятельной работой.

При такихъ взглядахъ на культурную роль запада въ исторіи нашей жизни, Бѣлинскаго, конечно, должны были возмущать до глубины души тѣ выходки противъ западной цивилизаціи, которыми любили щеголять славянофилы. Выходки эти сводились къ знаменитому обвиненію въ «гнилости». Въ чемъ именно эта гнилость заключалась — разъяснять это подробно и доказывать на фактахъ московская партія бралась неохотно: ей больше нравилось повторять это обвиненіе, которое звучало такъ громко и какъ будто глубокомысленно.

Бѣлинскаго очень сердилъ такой поверхностный взглядъ на Европу. Онъ самъ неоднократно говорилъ, что наша задача состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы рабски слѣдовать за сосѣдями; онъ понималъ, что многое въ ихъ жизни не имѣетъ прямого отношенія къ нашей, но онъ былъ противникомъ всякой китайской стѣны, которая отдѣлила бы насъ отъ Европы и, спасая насъ отъ многихъ ея недостатковъ, лишила бы насъ столькихъ культурныхъ богатствъ. Еще менѣе могъ онъ простить такую брань на Европу людямъ, которые, какъ онъ зналъ, были ей столькимъ обязаны въ своемъ умственномъ развитіи.

Итакъ Бѣлинскій расходился съ славянофилами рѣшительно во всѣхъ своихъ историческихъ и общественныхъ взглядахъ. У него и у нихъ могла быть одна общая цѣль — благо и величіе ихъ родины, но каждый изъ нихъ шелъ къ этой цѣли своей дорогой, и дороги эти были настолько различны, что соглашеніе между противниками становилось невозможно. Позднѣе, когда Бѣлинскаго уже не было въ живыхъ, это соглашеніе состоялось, и то лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ, какъ, напр., въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Но въ общемъ программа учениковъ Бѣлинскаго и славянофильская доктрина, какъ она была высказана во всей ея систематической цѣльности въ 50-тыхъ и 60-тыхъ годахъ, продолжали враждовать другъ съ другомъ, расходясь всегда въ самомъ главномъ, а именно—въ политическихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ. Въ сороковыхъ годахъ въ силу цензурныхъ условій эти убѣжденія не могли стать предметомъ открытаго спора, и вниманіе спорящихъ было обращено, главнымъ образомъ, на вопросъ о развитіи интеллигентной личности, стремящейся отстоять свое право на свободную мысль и чувство, а также на вопросъ объ отношеніи этой личности къ народной массѣ, надъ воспитаніемъ и просвѣщеніемъ которой она должна была работать. Одна сторона стояла за ограниченіе такого свободнаго развитія личности унаслѣдованной традиціей и сложившимся исторически міровоззрѣніемъ, почему и посылала интеллигентнаго человѣка на выучку къ простому народу, другая держалась совсѣмъ иныхъ взглядовъ.

За борьбой Бѣлинскаго съ славянофилами осталась безспорно одна культурная заслуга. Въ то время, когда въ русскомъ обществѣ и безъ того было очень мало движенія, когда въ немъ общій уровень образованія и нравственности былъ такъ низокъ, когда жизнь несвободной народной массы была такъ инертна, когда, наконецъ, патріотизмъ выражался, главнымъ образомъ, въ превознесеніи физической силы, а не въ сознаніи недочетовъ духовныхъ, — Бѣлинскій стремился затормозить развитіе того ученія, которое невольно потворствовало этимъ недостаткамъ нашей общественной жизни. Само ученіе въ устахъ многихъ изъ его проповѣдниковъ было очень искреннимъ словомъ, но сколько въ этомъ словѣ было соблазна для тѣхъ, кто отъ лѣни, отъ нерадѣнія или по инымъ, менѣе извинимымъ причинамъ былъ готовъ почить на лаврахъ, увѣряя себя въ томъ, что все кругомъ обстоитъ благополучно и лучше обстоять не можетъ. Когда Бѣлинскій говорилъ, что сла-

вянофилы проповѣдуютъ «одичаніе», онъ былъ неправъ и несправедливъ къ нимъ; но, когда онъ думалъ, что дикіе люди могутъ воспользоваться этимъ ученіемъ, чтобы прикрыть имъ свою дикость,—онъ былъ очень близокъ къ истинѣ.

XVI. «Теперь предстоитъ надобность въ человѣкѣ трезвомъ, бодромъ, дѣятельномъ, который бы смотрѣлъ на вещи прямо и любилъ бы землю, жилище наше и нашихъ потомковъ»,—писалъ Бѣлинскій за годъ до смерти. Эта мысль о дѣятельномъ и трезвомъ человѣкѣ, смотрящемъ прямо на вещи, приходила нашему критику часто въ голову, и онъ съ большой любовью отмѣчалъ тѣ литературныя новинки, въ которыхъ она высказывалась (см. напр. его разборъ «Обыкновенной исторіи» Гончарова). На этого будущаго «реалиста», какъ говорили въ 60-хъ годахъ, Бѣлинскій смотрѣлъ, какъ на законнаго наслѣдника всѣхъ тѣхъ общественныхъ типовъ, въ которыхъ попеременно выражались основныя теченія русской мысли и настроенія.

Дѣйствительно, на смѣну старымъ романтикамъ, о которыхъ въ концѣ 40-хъ годовъ никто уже не помнилъ, на смѣну прежнимъ идеалистамъ - метафизикамъ и эстетикамъ, которые къ этому времени также давно уже умолкли, наконецъ, вслѣдъ за славянофилами, въ ученіи которыхъ было столько и романтическаго, и метафизическаго,—пришелъ въ 60-хъ годахъ человѣкъ непосредственнаго дѣла, очень трезвый въ своихъ философскихъ взглядахъ и очень строгій и послѣдовательный въ своихъ взглядахъ общественныхъ. Онъ, какъ выражался Бѣлинскій, «полюбилъ землю—жилище наше и нашихъ потомковъ». Глубокій гуманистъ и демократъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ, съ юношескимъ пыломъ и рвеніемъ, сталъ осуществлять ту программу, которую намѣтилъ Бѣлинскій; онъ сталъ воспитывать въ себѣ и въ другихъ свободную гуманную личность—энергичную и полную инициативы, и поставилъ своей первой задачей—служеніе духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ той массы обездоленныхъ и непросвѣщенныхъ, съ судьбой которыхъ онъ такъ тѣсно связалъ свою жизнь.

Этотъ трезвый и практическій идеалистъ, смотрѣвшій на жизнь просто, не терявшійся въ мечтаніяхъ и работавшій упорно на разныхъ, иногда очень скромныхъ, поприщахъ, былъ въ 60-хъ годахъ центральной фигурой въ исторіи русской жизни. Бѣлинскій не дожилъ до того времени, когда этотъ типъ достигъ своего полнаго развитія и выраженія, но Бѣлинскій предугадалъ его и самъ былъ предвѣстникомъ его появленія... Люди 60-хъ годовъ могли съ полнымъ правомъ назвать Бѣлинскаго своимъ учителемъ, и не въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ его называемъ мы, но въ смыслѣ прямомъ и тѣсномъ. Онъ первый набросалъ ту общественную программу, которую они потомъ проводили въ жизнь; изъ его рукъ получили они ее, и имъ не пришлось вырабатывать свои взгляды и убѣжденія съ такимъ трудомъ, съ такимъ напряженіемъ мысли и нравственнаго чувства, съ какимъ ихъ вырабатывалъ Бѣлинскій. Онъ сберегъ ихъ силы.

XVII. Такъ прожила Россія съ Бѣлинскимъ тѣ замѣчательные сороковые годы, которые отмѣчены въ исторіи нашего самосознанія такимъ подъемомъ философской и общественной мысли и такимъ расцвѣтомъ художественнаго творчества. Изъ числа всѣхъ своихъ современниковъ Бѣлинскій былъ единственнымъ писателемъ, про котораго можно сказать, что его слова были голосомъ всей его эпохи, отзвукомъ на всѣ ея запросы и отраженіемъ всѣхъ колебаній ея мыслей и настроенія.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ 26-го мая 1848 г. Бѣлинскаго опустили въ могилу, и эти слова не утратили своей силы надъ нами.

Давно заглохли всѣ споры о романтическомъ разладѣ съ жизнью; философское и эстетическое примиреніе съ ней стало также историческимъ воспоминаніемъ; послѣдніе представители славянофильства умерли, поручивъ своимъ измельчавшимъ ученикамъ доигрывать и проигрывать свою партію; сошли со сцены и дѣятели 60-хъ годовъ, завѣщавъ молодому поколѣнію свои идеалы.

Статьи Бѣлинскаго теперь — обширный некрополь; но не смертью, а жизнью вѣетъ отъ этихъ страницъ, въ которыхъ все говоритъ о прошломъ, давно пережитомъ, прочувствованномъ и передуманномъ.

Иногда художественная красота и энергія выраженія даютъ этимъ словамъ власть надъ нами, иногда глубокая мысль заставляетъ насъ надъ ними задумываться; но чаще и сильнѣе всего приковываетъ насъ къ нимъ таящаяся въ нихъ сила любви, сила гуманныхъ движеній сердца.

Проходятъ вѣка, и слова, рожденныя отъ пламени любви, не тускнѣютъ, на нихъ лежитъ та же печать безсмертія, которой отмѣчены и геніальная мысль человѣка, и красота, воплощенная имъ въ художественномъ образѣ.

Н. Котляревскій.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]
АКАДЕМІИ.